

Кирилл Медведев | Опыт большинства

«Именно большинство предполагает «революционно-демократические процессы... массы постигают опыт «большинства», то есть, опыт преобладания социалистических решений над капиталистическими».
Франсуа Сабадо, «Компоненты революционной стратегии».

Лозунг «Не голосуй, а бастуй», выдвинутый рабочими «Форда» накануне выборов, стал точной и емкой репликой, ответом на некоторые важные вопросы. Например, стало понятно, что такое «активный бойкот», к которому давно абстрактно призывали левые. Дан ответ на вопрос, что лучше – не ходить на выборы или пойти и порвать бюллетень; вопрос, из которого до сих пор следовал (и пока ещё следует) такой же бесполезный, апатичный ответ: ходи не ходи, рви не рви – всё равно обманут. Сказано и веское слово в споре о том, «ест ли рабочий класс», а если есть, то кто должен его представлять и каким образом ему можно дать голос.

Также важно, что подъем рабочего движения 2007 года (и забастовка на «Форде» как его кульминация) выявил новую социополитическую структуру оппозиции. Вместо расхожего разделения на активное сознательное меньшинство и косное пассивное большинство, проявилось как бы два большинства. Первое большинство образуется в результате подсчета голосов на выборах, его составляют люди как частные лица, голосующие за партию власти, то есть, за «стабильность», за свою надежду на будущее и т.п. (что, кстати, нормально и совсем не достойно характерного «оппозиционного» осуждения).

Параллельно существует и другое большинство – с ним сталкиваешься, разговариваешь с прохожим на пикете или с попутчиком в поезде: в таких случайных ситуациях люди чаще всего говорят примерно одно: БЕДНЫЕ БЕДНЕЮТ БОГАТЫЕ БОГАТЕЮТ ВЛАСТЬ ОБСЛУЖИВАЕТ САМУ СЕБЯ НИКОТО НЕ ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ ПРОСТЫХ РАБОТНИКОВ. Лично я за прошедший год не раз слышал подобные высказывания в разных точках нашей страны и Евросоюза - от русской эмигрантки из Казахстана, работающей в ночную смену на шоколадной фабрике в Берлине; от врача элитной московской клиники, едущей к больной матери в Нижний Новгород; от парня-кабардинца – перерегонщика машин из Франции в Россию. И так далее. Это не обывательское брюзжание. Это максимум сознательного политического высказывания, на которое способны люди, в одиночку и ненадолго (по дороге на работу, с работы или в обеденный перерыв) выпавшие из капиталистической монолитной действительности, из своей собственной буржуазной повседневности, из структур производства. Именно в эти праздные минуты люди составляют другое большинство - как работники, пролетарии, как «класс в себе». Обращением к этому, публично молчащему, пассивно голосующему большинству стали сознательные действия и лозунги новых профсоюзов, высказывающихся изнутри такой повседневности. Но одновременно они стали и голосом, выражением, представительством этого большинства.

В одном из недавних интервью («Профсоюзы придут к политике. Рано или поздно») лидер фордовского профсоюза Этманов сказал, что среди бастующих есть симпатизанты самых разных идеологий и (в том числе правящей) политических партий. Это важная деталь, потому что «неразборчивость» власти в выборе врагов оживляет сегодня в качестве одной из альтернатив либеральный концепт внеклассовой, надполитической солидарности всех «жертв режима» - будь то избитый до смерти милицией рабочий лидер Швырев, смертельно больной вице-президент ЮКОСА Александрия или какой-нибудь вожак скинхедской группировки, убитый УБОПовцами. Повальная разочарованность в «политике» делает эту альтернативу ещё более привлекательной. Тем более, что ситуация в России (как, впрочем, и в Европе) действительно вполне однозначна - «выборов нет», поскольку какая бы партия не пришла к власти, она может лишь на свой вкус орнаментировать неизбежный неолиберальный (дис)курс.

Рабочее движение, не предлагая на сегодняшний день какой-либо «политической» альтернативы, предлагает, тем не менее, кардинально другую версию «над- или вне-политического». Не уход от «политики» как исчерпавшей себя сферы противостояния партий (представляющих интересы якобы ушедших в прошлое классов), или как сферы вторичной по отношению к «общечеловеческим» правам и свободам, а обещание (хотя и не гарантия) новой политики – политики борьбы большинства за СВОИ права и свои деньги на своём рабочем месте. Именно опыт большинства (естественно, включающего в себя какие угодно меньшинства) важнее и удивительнее для нас сегодня, чем те опыты «меньшинства», которые происходили в России за последнее пятнадцать-двадцать лет: будь то опыт меньшинства либеральных реформаторов и крупной буржуазии, подмявших зачатки независимого профдвижения конца 80-х или опыт борьбы за права национальных, сексуальных и других меньшинств на основе не приживающейся в современной России «политики идентичности».

Сольются ли вместе два вышеупомянутых большинства (сойдутся ли, или найдут ли, для начала, общий язык в каждом из нас частный человек и работник?), и, если да, то в какие именно политические формы выльется этот союз – вот главный вопрос для левых на будущее. Нужно, чтобы между этими двумя большими и происходил диалог о политике, об оппозиции и гражданском обществе в наступающую эпоху.

Артем Магун | И снова: что делать?

1. Режим перешел в агрессивную атаку на образованную и политическую сознательную часть общества. Впервые в современной истории России и СССР власть сочла, что легко обойдется без интеллигенции и сумеет властвовать над умами силами политтехнологов и популярных юмористов. Американизация страны совпадает в этом смысле с ее брежневизацией – то есть с усилением произвола коррумпированной бюрократии.

2. Выполнив, пускай зачастую варварским путем, некоторые из объективно стоявших перед страной задач – восстановление бюджетного сектора, сбор налогов, окончание войны в Чечни и т.п. – правящий режим сумел, при помощи нефтяных денег и контролируемых телеканалов убедить большую часть населения в своей незаменимости (хотя при этом другие важнейшие социально-экономические проблемы, например коррупция, бюрократизация, ксенофобия, кризис публичной сферы только усилились в результате ее действий). Обществу предложен «гоббсовский» тип общественного договора – циники и бандиты, стоящие у власти, полезны стране, потому что в их интересах усиливать ее. Подчеркну, что именно этот тип договора был характерен для обществ, создающих и наращивающих капиталистическую экономику.

3. Нарастающий национализм и частичный изоляционизм страны не является простой прихотью элит. Это инертный, нетворческий ответ на объективную ситуацию, в которой большие страны полупериферии не имеют шансов форсировать развитие и сохранить привычный образ жизни в ситуации открытости внешним рынкам и международным структурам. Надо признать, что в 1990е Запад не мог и не хотел интегрировать Россию в качестве сильного и самостоятельного члена мирового сообщества. Россия же, в свою очередь, не сумела провести вестернизацию страны в условиях навязываемой Западом либеральной «демократии». Пришедший к власти (исходно – именно в целях форсированной вестернизации экономики) авторитарный режим входил в нарастающие противоречия с Западом и посчитал нужным организовать массовую пропаганду национализма, вплоть до нынешней изоляционистской волны. Либеральные реформы экономических и социальных институтов сопровождались консервацией позднесоветских коррумпированных структур в бюрократии, армии, образовании и академии.

4. Сегодня, с одной стороны, кажется, что российские либералы доказали свою правоту. Действительно, главным нашим врагом представляется в данный момент не мировой капитал, а старое доброе авторитарное государство. Более того, либертарно настроенные либералы, готовые критиковать всякую власть вообще, скажут вам, что в России по крайней мере государство – это всегда зло, и самой счастливой эпохой были 1990е, когда оно ослабло. Можно согласиться с этой точкой зрения в той части, в которой она выражает протест и неприятие угнетения. Но в то же время нужно отдавать отчет в безответственности этой позиции, которая вяло ждет установления какой-либо власти, а потом критикует ее. Либеральная позиция такого рода на деле предполагает жесткую власть и зависит от нее.

5. Поэтому более точно будет сказать, с другой стороны, что правы оказались как раз левые. О чем мы (группа Что Делать? вместе с формировавшимися другими новыми левыми) утверждали все последние 5 лет? О том, что в сердцевине капитализма заложено угнетение, и что простая «модернизация» и «вестернизация» экономики страны не приведет к ее демократизации и просвещению – скорее, наоборот. И действительно, главная мечта либералов 1990х годов – профицитный бюджет, западные инвестиции – выполнена. Но выполнена так, что они сами кричат «караул» - правда, их никто не слушает. Что произошло на самом деле? А произошло то, что капитализм обнажил (в очередной раз) свой звериный оскал на границе между центром и периферией. Более или менее пристойный, амортизированный образ буржуазного капитализма в развитых странах Запада окунается бомбежками и нищетой в странах периферии, и авторитарным национализмом, усилением бюрократического государства, в странах полупериферии. Эгоизм корпораций уравнивается здесь эгоизмом целых наций. В отсутствие полноценного гражданского общества умеренная реакционность западных правых оборачивается настоящей правизной, в лучших традициях правого движения (национализм, патриархат, культ авторитета). На полупериферии обнажается подсознательная изнанка капитализма, то воображаемое (фашизм, полицейское государство и т.д.), которое заклинают, но пока сдерживают прогрессивные либералы Запада.

6. Итак, в сегодняшней России мы столкнулись с одновременностью репрессивных эффектов, исходящих от технократического капитализма и от бюрократического авторитаризма, «традиционного» для России (но далеко не только для нее). В современном марксизме это называется «сверхдетерминацией». Подобная ситуация, однако, является наиболее интересной. Именно в ней возможна реальная борьба с капитализмом, поскольку репрессивная сила не прячется и не растворяется, а предстает как таковая, в своей голой глупости и цинизме. Именно такой, кстати, была ситуация, в которой сам Маркс разработал теорию пролетарской революции. В Германии того времени пролетариата было мало. Зато было много пережитков феодализма и абсолютизма, против которых громоздилось выступали профранцузские либералы. Однако, по мысли Маркса, специфика режимов, подобных тогдашней прусской монархии, в том, что их бесполезно критиковать всерьез. Какой смысл доказывать, что феодализм и клерикализм отжили свое? Кто этого всерьез не понимает? Однако режим от этого никуда не девается. *«Борьба против немецкой политической действительности есть борьба с прошлым современных народов, а отголоски этого прошлого все еще продолжают тяготеть над этими народами. Для них поучительно видеть, как ancien regime, переживший у них свою трагедию, разыгрывает свою комедию в лице немецкого выходца с того света. . . . Покуда ancien regime, как существующий миропорядок, боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого ancien regime стояло не лично, а всемирно-историческое заблуждение. Потому что гибель его была трагической. Напротив, современный немецкий режим – этот анахронизм, это вопиющее противоречие общепризнанным аксиомам, это выставленное напоказ всему миру ничтожество ancien regime, - тот лишь только воображает, что верит в себя и требует от мира, чтобы и тот вообразил это. Современный ancien regime – скорее лишь комедиант такого миропорядка, действительные герои которого давно уже умерли».* (Маркс, Введение в критику гегелевской философии права).

И потому: *«Война немецким порядкам! Непременно война! Эти порядки находятся ниже уровня истории, они ниже всякой критики, но они остаются объектом критики, подобно тому как преступник, находящийся ниже уровня человечности, остается объектом палача».* (Там же).

Так же и у нас. Какой смысл правозащитникам еще раз напоминать властям о ценности демократии и о необходимости соблюдать права человека! У наших идеологов нечего, по сути, противопоставить этим очевидным, пускай недостаточным, ценностям. Поэтому они кивают, бормочут что-то о «суверенности» демократии и о правах русских за рубежом, и начинают очередную циничный «рейд» - например, «спор хозяйствующих субъектов» по делу ЮКОСа, снятие неугодных партий с выборов за брак в подписных листах или текущий «наезд» на Европейский университет, проведенный в форме «пожарной инспекции». По мысли Маркса, война с немецким режимом его времени, именно потому, что в нем не было сильного буржуазного класса, способного взять власть, была возможна только как тотальная освободительная революция, свергающая не только авторитарную власть, но и более тонкую, якобы договорную, власть капиталиста над рабочим. Именно Германия, с ее отсталостью в политэкономическом смысле, но с ее передовой интеллигенцией и развитой философией, находится, по Марксу, в той точке, с которой только и может начаться антикапиталистическая революция, где пролетариат, вооруженный философами целостным видением действительности, сможет восстать и выстроить порядки реальной свободы.

Капитализм не избавляет общество полностью от докапиталистических пережитков, а паразитирует на них и заставляет работать в своем чертовом колесе. Он как бы питается мертвечиной, подчиняет живой труд обслуживанию мертвого. Как писала позже Роза Люксембург, капитализм только и способен выкачивать прибавочную стоимость из докапиталистических производственных отношений. Когда рухнет последний авторитаризм и бюрократизм, капитализм не сможет больше существовать. Увы, режим человеческого угнетения и несвободы проще, бездумнее, инертнее, чем режим свободы. Поэтому, и спустя 150 лет после Маркса, 100 после Ленина и Люксембург, мы опять находимся в одном из эпицентров угнетения, где оно находится в видимом противоречии, но в действительном союзе с экономическим развитием, и имеет тенденцию к нарастанию.

7. Что же делать? Для начала, не попадаться в ловушку поляризации, которую нам подсовывает режим: бороться не за «Запад» против «отсталой» России, не за интеллигенцию против «послушного большинства», а всем людям вместе, объединив усилия, против альянса технократии, эксплуатации, и шовинизма. Лучшим оружием против этого будет, по рецепту того же Маркса, разоблачение и высмеивание «комедиантов старого порядка» (пародирующих СССР), которые сегодня у власти, но и серьезный, более «трагический» анализ мировой капиталистической системы вообще. Поскольку система бездумной поляризации, отчаяние коллективного эгоизма впаривается телевизором, как уткомом, в народную толщу – нам предстоит его дальнейшее «отпаривание», которое должно вестись спокойно и организовано, без спешки и истерики. Здесь и сейчас именно то время и место, когда люди чувствуют гнев, презрение, боль противоречий между развитием страны и ее фатальным регрессом – на своей шкуре. И именно сейчас нам – марксистам, анархистам, политическим либералам, профсоюзным активистам - надо объединиться, вырабатывать общую, пускай в чем-то компромиссную платформу и вырабатывать альтернативные формы общественного бытия, для России и для мира.

НЕ ГОЛОДОБУЙ

БАСТУЙ!

Николай Блохин: От субкультуры – к политической борьбе. К вопросу о задачах левых в рабочем движении

Наши левые политические организации представляют собой не что иное, как своеобразную субкультуру, с множеством внутренних разделений, вариантов, подвидов.

Это общеизвестно любому человеку, участвующему в современном российском левом движении. Даже те организации, которые демонстрируют большую внешнюю активность, часто не свободны от вируса субкультурности. Если вы проводите митинг, формально «для рабочих», а фактически – ради того, чтобы в сотый раз произнести не связанные с нынешней конкретной ситуацией революционные лозунги, придется признать, что вы занимаетесь типичной субкультурной практикой исключительно для своего удовольствия.

Как же перейти на другую сторону? Как добиться того, чтобы политическая по форме деятельность стала таковой и по содержанию? Как соединиться с реальным рабочим движением?

Я не сделаю никакого открытия, указав, что последние годы главную надежду всех почти российских левых (по крайней мере, марксистов) вызывает рост забастовочной активности и процесс возникновения настоящих, боевых профсоюзов. Все слышали о забастовках на Форде. Но нужно отчетливо понимать, что Форд – это исключение, а не правило в современном российском рабочем движении. Типично другое: маленький профсоюз, являющийся, по сути дела, активистской группой. Он объединяет 10-20 человек, редко больше, даже если существует на предприятии, где работают сотни, а то и тысячи человек. Это не массовая организация, а авангардная. Несмотря на всю слабость таких профсоюзов, важность их возникновения нельзя переоценить. Сам факт их спорадического возникновения в самых разных местах, совершенно независимо друг от друга, показывает, что наиболее передовой слой рабочих самостоятельно приходит к осознанию необходимости коллективной борьбы, к осознанию необходимости создать свою классовую организацию.

Отмечу еще вот что: даже там, где формальная численность вновь возникшего профсоюза весьма велика, на деле большую часть работы на себе несет небольшая группа активистов. Это, кстати, объясняет слабость многих профсоюзов. Достаточно убрать, например, путем увольнения, эту группу, и все разваливается.

Как же нам, левым политическим активистам, наладить постоянное взаимодействие с профсоюзными активистами? Как нам стать для них своими? Как установить взаимопонимание и наладить плодотворную товарищескую дискуссии с ними?

Наша с ними общность заключается в том, что профсоюзные активисты, в отличие от многих других, спорадически участвующих в борьбе рабочих, осознают необходимость не просто добиваться непосредственных уступок по отдельным вопросам, но и строить свою, рабочую организацию, противостоящую власти собственника на предприятии. Более того, по мере того, как профсоюзный активист погружается в свою деятельность, его кругозор расширяется, он узнает, что многое из того, с чем борется он на своем предприятии, происходит и на других предприятиях, в других регионах и странах. Так он осознает, что речь идет о борьбе класса против другого класса.

Профсоюзный активист строит организацию. В этой его деятельности мы можем быть уже не сторонними наблюдателями или «друзьями», которые встречаются рабочего на проходной с листовкой, где рассказано, как надо жить. Мы можем в этой практике повседневно участвовать. Помогать практически, делиться опытом, давать советы. Не навязывать свое мировоззрение, но и не уклоняться от дискуссий на актуальные политические темы, наоборот, побуждать к ним при удобном случае. Там, где это возможно, мы должны сами способствовать строительству профсоюзных организаций. Нужно добиться, во-первых, чтобы нынешние тенденции оживления рабочего движения не заглохли, чтобы профсоюзное движение реально росло; во-вторых, чтобы наши профсоюзы с самого начала развивались при активном участии в них левых, чтобы изначально левой была их политическая ориентация.

Мы должны изменить не только нашу практику, но и стиль нашей пропаганды. Совершенно нетерпимой является ситуация, когда субкультурные интеллектуалы пишут сложные тексты, рассчитанные только на своих, а в то же самое время субкультурные активисты делают тексты «для рабочих», сочетая друг с другом небольшое количество примитивных штампов. Активистам придется понять, что рабочим нужно не многократное повторение лозунгов о мировой социалистической революции, а умение анализировать их собственный социальный и политический опыт. Интеллектуалы должны научиться писать просто о сложном, как это умели делать марксисты XIX века, как это умели делать большевики. Глубокий марксистский анализ текущей ситуации вообще, и нынешнего положения рабочего класса в частности, но выраженный не на специально-академическом жаргоне, а на общедоступном языке – вот что требуется сейчас от интеллектуалов, желающих быть частью левого политического движения, а не субкультурных кружков.

Забастовка на «Форде». Как это было

Представляем вашему вниманию интервью с Александром К., рабочим конвейера завода «Форд» и активным членом профсоюза. Забастовка на Форде стала примером для всех рабочих России, начиная с первой половины 90-х годов у нас в стране не было забастовок подобного масштаба и продолжительности.

И, несмотря на то, что в ходе последней забастовки фордовским рабочим не удалось в полной мере добиться выполнения своих требований, сам ее факт ознаменовал новый этап в развитии рабочего движения в России.

полный текст интервью смотреть на сайте <http://www.ford-profsoyuz.ru/mgrd/content/view/3211/33/>

МГРД - “Марксистская Группа Рабочая Демократия” - Расскажи, как начиналась забастовка, как готовили коллектив к ней?

А.К. - На сегодняшний момент у нас в стране считается, что народ «трусый», трудно его поднять на что-нибудь. Расскажу, как мы народ поднимали. Отправной точкой последней забастовки была наша февральская однодневная забастовка, в ходе которой нам не удалось решить главной проблемы – существенного повышения зарплаты. Мы начали сначала говорить людям в листовках, что мы достойны лучшего, что это все возможно, что у администрации есть на это деньги и средства. Естественно, при живом общении выяснялось мнение коллектива, выслушивались идеи, потом это обсуждалось на профкоме и после шло обратно через листовки в народ.

МГРД - Кто-то специально занимался у вас анализом доходов фирмы, и как вы это делали?

А.К. - Да сбором информации занимались. Кроме того, официально запрашивали бухгалтерскую документацию у компании (по коллективному договору нам обязаны были ее давать). И из баланса за предыдущий год, мы четко увидели, что у компании немаленькая прибыль. Вот, например, интересный факт мы выяснили из общения с нашими зарубежными коллегами: оказывается в Европе и США доля затрат на рабочую силу в стоимости конечной продукции составляет примерно 35-40%, у нас же в России - всего около 5%.

МГРД - Как часто у вас выходили листовки?

А.К. - За полгода до забастовки регулярно, примерно 1 в 2 недели. Непосредственно за 2-3 месяца до забастовки каждую неделю по 2 листовки выпускали. Перед этой забастовкой вообще у нас активный разогрев народа пошел - печатались сводки из-за границы о забастовках в Германии, во Франции в других странах. Этим мы хотели людям показать, что забастовка – это нормально, вся Европа бастует, что это цивилизованный метод решения вопросов.

Также, в листовках показывались проблемы, которые на нашем заводе существуют, раскрывались случаи, которые вызывают возмущение у людей. Чем больше таких мелких проблем освещается, тем больше народ готов к коллективным действиям, чтобы изменить ситуацию. Надо заметить, что сами менеджеры цехов своим равнодушием к проблемам завода сильно помогли в подготовке к забастовке, они так плохо свои обязанности выполняли в этом отношении, что народ заводился с пол-оборота. В ответ на нашу агитацию администрация свою «пропаганду» среди рабочих проводила. С их стороны было много слухов, провокаций. Например, что завод у нас убыточный, что его вообще могут закрыть из-за нерентабельности производства. Но через обзорные аналитические статьи мы в принципе людям доказали что администрация зачастую врет, когда общается с людьми.

МГРД - Как вы проводили подготовку непосредственно к забастовке?

А.К. - Провели 5 конференций, так чтобы одна конференция выдвигала только часть требований. После утверждения требований на конференциях, каждое по отдельности было отправлено работодателю. Он их, естественно, не выполнил. Затем было 6 конференций по объявлению забастовки. Сначала, как известно, мы провели предупредительную забастовку 7 ноября. У нас всегда забастовки начинаются вторая смена как наиболее организованная, и в 00 часов 7 ноября все ганы (сварочные аппараты) бросили, люди собирались между цехом сварки, и цехом сборки, заблокировав проход. То есть, даже если кто-то работу продолжал бы, машины с конвейера все равно не смогли бы сходить.

МГРД - Как началась забастовка 20 ноября?

А.К. - Как обычно, начали с остановки 2-ой смены. Еще накануне 3-ая смена получила уведомление о том, что в связи с предстоящей забастовкой ограничивается пропускной режим, поэтому часть активистов из 3-й смены подъехали заранее и смогли еще пройти на завод по своим пропускам. Когда основная масса людей из 3-й смены подъехала, пропуска уже заблокированы были. Уже в первый день присутствовала милиция и ОМОН.

МГРД - Как удалось пройти на завод?

А.К. - Люди прошли обходными путями. По периметру завода было выбрано место, наименее просматриваемое камерами и там «кем-то» была

разрезана сетка забора, через отверстия рабочие смогли пройти на территорию. Так прошло 2 группы. Действия рабочих во время забастовки вообще показали, что особенно в первые дни, охрана «Форда» не контролировала ситуацию вообще никак. Причем рабочие проходили и через КПП «Русского дизеля», на котором также сидела охрана, так они даже не вышли, чтобы хотя бы сказать что-то. Прошла первая группа, и примерно через полчаса и вторая группа тоже прошла.

МГРД - Ну вот прошли рабочие на завод, и что там делали? **А.К.** - Так как мы убедились, что производство полностью стоит, и все вокруг было абсолютно тихо, мы просто смотрели телевизор, общались, планировали, как действовать дальше. Утром наша задача была в том, чтобы постараться сделать так, чтобы штрейкбрехеры не пошли на работу, чтобы им было стыдно, планировали не допустить штрейкбрехеров на завод.

МГРД - Расскажи, как это было?

А.К. - В первое утро происходило вот что. Нас было человек 200 снаружи и еще человек 20 внутри завода осталось. Те, кто были снаружи, разделились и заблокировали центральную проходную, вторую проходную и въезд со стороны склада. Водители, которые подвезли работников офиса и штрейкбрехеров, просто не знали, куда им подвозить автобусы. Через какое-то время решили их провести через таможду. Туда всего человек десять успели направить. Они встали в цепь перед воротами и заблокировали вход. Только после того, как в нашу цепь с разбега влетел омоновец, разорвав ее, милиционерам удалось открыть ворота таможди. Самое интересное, что сотрудники офиса, даже после того как проход для них был открыт, стояли и боялись проходить. Милиционеры говорили им «давайте, проходите», а они стояли и не решались.

Мы увидели, что те, кто прошел, это были, в основном, сотрудники офиса, и само производство все равно не могли запустить. Цеха, по-прежнему, стояли, на складе все тихо было, только офис и бухгалтерия работали. Начался следующий этап, когда забастовка производилась снаружи. Правда, человек пять мы на всякий случай оставили внутри, они там жили фактически до конца недели.

МГРД - А если они там что?

А.К. - Им еду передавали через забор. Кроме того, там столовая для офисных сотрудников работала. И профсоюз «Содексо» (фирма, обслуживающая завод «Форд») помогал. Девочки из «Содексо» рискуя перед начальством, проносили еду тем, кто бастовал, за что им большое спасибо!

На следующий день, поскольку мы посмотрели, что сил нам надо больше, обзвонили всех активистов. Человек 500 на следующее утро набрали. Мы смогли заблокировать уже все проходные, т.е. даже со стороны таможди на этот раз не одна шеренга у нас была, а четыре-пять. Милиции уже тоже было побольше. Сотрудники ДПС появились. Но никто из них особо никак не реагировал. Что они могут сделать, когда по 200 человек стоит у ворот? Здесь целый отряд милиции нужен, и они готовы должны быть к силовому противостоянию. А рядовые милиционеры просто стояли и ничего не делали. Надо заметить, что на протяжении всей забастовки рядовые милиционеры не выказывали большого рвения нас «усмирять», даже кое-кто из них помогал информацию собирать. Вот высшие чины милицейского начальства, те конечно ярко выраженную вражду к нам испытывали.

МГРД - Как вы планировали, на сколько примерно может растянуться забастовка?

А.К. - Ну, честно говоря, не думали, что больше двух недель будет проходить, но оказалось почти в два раза подольше пробастовали. Конкретных дат мы не ставили, но знали, что забастовка будет долгой.

МГРД - Штрейкбрехеры - что за люди, почему они пошли работать?

А.К. - Штрейкбрехеры – это не монолит, не однородная масса. Есть молодые рабочие, которые на испытательном сроке находились, и не могли к нам присоединиться, иначе их просто не взяли бы на работу. Контрактники. Это люди, работающие по системе аутсорсинга, они, грубо говоря, юридически вообще бесправны, потому что если они откажутся, начальник позвонит в фирму, работниками которой они юридически числятся, и скажет, что этот человек нам больше не нужен.

Есть люди, которым просто плевать на всех, их позиция никуда не дергаться. Кому-то нужен грейд (разряд) второй, третий получать, они предпочли получать свой разряд, а не стоять рядом со своими товарищами. Кто-то хотел какую-то должность получить и боялся в забастовке участвовать. Кого-то запугали.

Но и обратный процесс тоже шел. Фактически на протяжении всей забастовки с того момента, когда запустили смену штрейкбрехеров, мы организовывали коридоры позора, освистывали тех из рабочих, кто на работу шел, когда они на автобусах проезжали и выгружались у проходной.

МГРД - Расскажи, как обстояли дела с правоохранительными органами во время забастовки?

А.К. - С милицией проблемы начались почти сразу же. Помимо того, что они выполняли распоряжения начальства, старались помешать нам блокировать

вход штрейкбрехерам, были и другие случаи. Вот, например, играем мы в футбол, жарим барбекю, то есть ничего, в принципе, не нарушаем. Подъезжает автобус - в автобусе человек 15 милиционеров. Подходит к нам подполковник и говорит: «ваши действия подпадают под признаки незаконного пикетирования, вы нарушаете закон, поэтому прошу всех пройти в автобус». На что мы ему ответили, что мы не пикетируем, мы бастуем, и что в автобус идти не собираемся. Он сказал, что будет расценивать это как неповиновение, развернулся и пошел обратно к своим. О чем-то минут 10 они там общались, он позвонил в прокуратуру, там ему, по-видимому, сказали не дергаться. После чего он вернулся к нам и сказал, что «в наших действиях не усматривается ничего противозаконного - бастуйте дальше», развернулся, и они уехали...

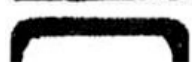
МГРД - Что можно сказать по поводу качества машин, выпускавшихся во время забастовки?
А.К. - Варили к примеру в кузовном цехе совсем молодые неопытные рабочие, сварили кривой кватер, положили его в борт, обварили, отправили на фреминг, там сварили, и только на респоте, когда к крыше приваривать стали, обнаружили, что он кривой! Пришлось машину с линии снимать, и в брак отправлять. Была ситуация, когда на борту три или 4 точки при сварке пропускали и штук 40 таких вот бортов ушло в линию. Потом, правда, обнаружено все это было. Был случай, когда в конце кузовного цеха снимали кузов и, судя по всему, из-за того, что его плохо закрепили, он просто грохнулся на пол! Естественно он в брак после этого пошел. В общем, много веселого было в цехах, пока мы бастовали.

МГРД - Была ли, по твоему мнению, возможность перевести затянувшуюся забастовку в более радикальное русло, чтобы переломить ситуацию?
А.К. - Мнения такие были. Многие отстаивали, что и милиция нам ни о чем, мы будем драться с милицией. По поводу радикализации - вот, например, на четвертой неделе, мы целой группой профсоюзников прошли на завод. Формальной причиной стало то, что людям не давали квитки по заработной плате, не принимали заявления и больничные и вообще не хотели нормально дела вести с теми, кто в состоянии забастовки находились. Вообще, интересно получилось: накануне этого события Этманов разговаривал с Даниловой и сказал, что непозволительно, чтобы рабочим не выдавали нужные документы, и что если они не выдадут их сегодня же, завтра мы придем за ними сами! С точки зрения тактики нам было нужно посмотреть, и как производство работает, и как администрация и милиция на наши действия реагировать будут, и как оперативно они смогут отреагировать.

МГРД - А вы все в повязках профсоюзный, в кепках были?
А.К. - Да, конечно, атрибутика профсоюзная у всех была, т.е. видно, что это забастовщики идут. Мы пошли по цехам, разговаривали с людьми, смотрели как там обстановка. У администрации, естественно, сначала просто шоковое состояние было, паника в офисе началась, бегали куда-то, звонили...

МГРД - А что если бы вы захватили завод? Как думаешь, не заставило бы это администрацию быть более уступчивой? Это подняло бы большой шум не только в городе, но и по всей стране.
А.К. - Ну, с точки зрения какой-то информационной шумихи, может быть. Это была бы бомба, конечно. Были такие мнения, что надо прорываться на завод и блокировать там все. И в принципе, при желании мы могли бы это сделать. Но под эту тему карательные меры могли бы ужесточить, реакция государства непредсказуема была бы. И с точки зрения всего профсоюзного движения страны, если бы начала муссироваться тема, что забастовщики - это чуть ли не террористы, это нам не выгодно было бы. Учитывая сегодняшние расклады в органах государственной власти, все было бы против нас...

МГРД - Почему было принято решение о приостановке забастовки?
А.К. - Лично я был готов продолжать и голосовал за продолжение, но народ устал, деньги из забастовочного фонда подошли к концу, и поэтому на общем собрании большинство проголосовало за приостановку забастовки. Это позволило профсоюзу сохранить нормальную организацию, и настрой большого количества рабочих по-прежнему достаточно боевой остается. Перегруппировав силы, мы сможем в феврале возобновить забастовку. Так что это только приостановка.

Трудно писать о путинской России. Трудно и не хочется. Не хочется употреблять слово “Путин”, поскольку тем самым уже вторгаешься в сферу политики, где любое твое высказывание не просто остается пустым сотрясанием воздуха, но еще и готово обернуться против тебя, заставив сожалеть о сказанном. Однако я не о “теории заговора”, но об особом изменении политической чувственности, которая произошла в России на наших глазах, когда достигнут переизбыток высказываний, повторяющих друг друга, когда их бессодержательность стала условием возможности их существования в сфере медиа. Потому слушать их уже просто невозможно, потому само слушание стало работой.

Речь пойдет не столько о политической ситуации, когда концентрация власти, капитала и средств массовой информации в одних руках стала очевидной, сколько о ситуации “неполитической”. Но когда мы рассматриваем зону “неполитического”, зону жизни *простого человека*, то одним из условий, ее формирующих, сегодня все равно остается политика. Политика давно уже не то, в чем участвуют люди, но то, что формирует людей. Она перестала быть противостоянием партий, социальных групп, взглядов и убеждений, она перестала быть чем-то, чем занято только государство и его отдельные институты. Она проходит по нашим телам, голосующим на выборах, работающим, смотрящим телевизор, сидящим в кафе, курящим, спящим, умирающим... Она давно уже - биополитика.

Некоторые еще помнят (хотя на уровне масс-медийного контроля сделано все возможное, чтобы многое было забыто) романтический период, когда в нашу жизнь вошел опыт анархической демократии без институтов, ее обуславливающих. Стихийность и народность демократии конца 80-х и начала 90-х, в свою очередь, не могли бы проявиться, если бы в советское время (в основном в брежневское) не сформировалась бы жизненная потребность в *бунте*.

Бунт - это сопротивление тел, отмечающее собой предел биополитики.

Слово “демократия” стало символом этого бунта в конце советской эпохи. Потом же демократия стала *строиться*, обнаруживая свои недостатки, апории, свои слабые стороны. Институционализированная демократия, конечно, представляет собой достаточно изощренный механизм контроля, но у российской версии марионеточной демократии к тому же появился свой обслуживающий персонал, который выходит далеко за рамки реально действующей политической бюрократии. Главным образом это поколение молодых людей, чаще всего не помнящих не только советского времени, но даже и первых постперестроечных лет. В отличие от многих представителей более старшего поколения вполне цинично обслуживающего нынешнюю политическую власть, благополучно забывших то, что говорили десятилетия ранее и во что верили (может быть искренне) два десятилетия назад, “новые” люди сформированы уже именно как политические тела.

Вот одна молодая писательница (Анастасия Чеховская) в “Известиях” с восторгом рассказывает о том, как была на встрече с Путиным, как она рада госзаказу, чтобы воспитывать и образовывать население, учить его “чувствам добрым”. При этом она ничтоже сумняшея называет этих людей люмпенами, мутировавшими от масс-культы, почти откровенно заявляя, что “молодые” (такие, как она) - новая элита.

Вот современные художники. Госзаказ им еще не поступил, но они уже стараются найти того, кого нужно обслуживать.

Вот другие “молодые” - движение “Наши”, одетые в одинаковые спортивные куртки, организовано автобусами завозятся на митинг в поддержку Путина. Охраняемые милицией, они поют песни и выкрикивают патриотические лозунги в тот самый момент, когда рядом, на другой стороне Тверской, ОМОН избивает дубинками марш несогласных.

Все это уже не просто “политическая активность населения”. Ей вообще-то взяты неоткуда. Это новое социальное пространство, сформировавшееся именно в последние годы, описать которое можно как конкурс вакансий на место под солнцем. Только в конкурсе этом нет ни комиссии, ни критериев. Скорее, это даже не конкурс, а шоу, в котором лишь самые циничные оказываются у власти или на телеэкране, другие же осваивают практику “естественного цинизма” в ожидании призыва на самую захудалую “бюрократическую” (в самом широком смысле слова) должность, где все эти навыки наместника императора проявятся с должным рвением.

Можно сказать, что ударными темпами выведен новый тип человека, прошедшего школу политической перцепции. Именно этот тип г-н Павловский назвал “победители”. Он опознается моментально, когда кто-то заводит речь об “ужасах ельцинской демократии”, когда критикует “несогласных” за то, что у них нет “позитива”, когда радуется растущему бюджету страны и величине стабилизационного фонда... Можно перечислять и далее. Нельзя сказать, что все эти люди обеспеченные, но все они уже “иные”. И даже если денег и власти у них еще немного, но деньги и власть уже виртуально участвуют и в их мышлении, и в их чувственности. Такие люди нужны государству. Это новая “властная” элита. Полувластная. Подвластная...

Но что делать с проигравшими? Что делать с теми, кого мы по-прежнему называем *простыми людьми*? С теми, кто молчит, смотрит телевизор, при этом не важно - осуждая или поддерживая Путина? С теми, кто, доведенный до последней черты, протестует, слыша в ответ, что права на митинг у него нет и что защищать свои права он должен в суде в соответствии с принципами демократии?..

Проигравшие не нужны. Они не просто забыты, но они планомерно, годами подвергаются настоящему геноциду. Создается полное ощущение, что не только анастасии-чеховские, но сама государственная власть ждет естественного исчезновения целых слоев населения. Сначала - люмпенов. Затем пенсионеров. Затем тех, кто продолжает их зачем-то лечить. Затем тех, кто (видимо, проявляя свою “пассивность”) продолжает работать в маленьких городках и деревнях за нищенскую зарплату. Затем тех, кто что-то помнит. И наконец, тех, кто не хочет вступать в ликующие ряды победителей.

Бунт бесправен. Так называемые “демократические права” - избирательное, право на митинги и собрания, на забастовки, а также возможность обращения в судебные инстанции - так или иначе, но имеют своей целью ограничение возможностей для бунта. Это механизмы регуляции общественного недовольства. В конечном счете, это выгодная для государства форма правления, особенно для того государства, которое неразрывно связано с крупным капиталом. Для деспотий привычно подавление бунтов. Для демократий - создание механизмов их контроля. Но, помимо протеста, в бунте есть и другая сторона - *приостановка работы*. В т.ч. работы самого государственного механизма. Именно поэтому те, кто негативно настроен к любым проявлениям бунта, - либо бюрократы, либо *штрейкбрехеры*. Первые готовы без конца говорить, что надо реализовывать свои права в рамках закона. Это заложники понимания демократии как формы государства, что на деле превращает демократию в манипулятивный механизм. Вторые, и сегодня их становится все больше и больше, - тела, ставшие элементами функционирующей государственной машины (“сильной” и “успешной”), бесперебойная работа которой требует исключения любых помех. И основной помехой оказываются ненужные люди. Характерно, что от этих тел, обслуживающих государственную систему, мы постоянно слышим риторику “позитивности” и “трудоустройства” (“мы работаем, а они митингуют”, “мы предлагаем новые законы, а они только маршируют”, “мы строим государство, а они его расшатывают”).

Здесь сталкиваются уже не разного рода политики, но разные этики. Первая - корпоративная этика, ставшая в последнее время повсеместной, этика нужности, полезности и надежности. Вторая - этика общности, которая заключается в том, чтобы быть вместе с теми, порой совершенно другими, лишь потому, что готов разделить с ними общность в опыте несправедливости. Именно этика общности, не записанная ни на каких скрижалях, является постоянно вытесняемым неполитическим истоком идеи демократии. Ее нельзя устранить полностью, но политикой выработано множество инструментов ее забвения. Однако забыв ее, всегда будешь глух к насилию, которое творится рядом, а порой и твоими руками.

ФОМА | Кто делает нацистов? *

В этом выпуске газеты вы найдете карту катастроф и террора. Дома снесены во имя прогресса. Скверы отданы на откуп “девелоперам”. Люди избиты или убиты, чтобы очистить одну из столиц “русской цивилизации”.

Кто “делает” сегодняшних нацистов и фашистов? Британский социолог Пол Гилрой пишет, что нельзя представлять расизм просто в качестве побочного продукта классовой борьбы. Он всегда возникает при определенных условиях социальной или экономической несправедливости, имперского господства, националистического подъема, системного распада или “постимперской меланхолии”. Поэтому речь должна идти о “расизмах” во множественном числе. В США расизм все еще существует—после тяжелой борьбы в 60-е—в виде криминализации и массового тюремного заключения малоимущих афроамериканцев. В Англии он обрел второе дыхание (после разгрома в 70-х Национального фронта широкой воинственной коалицией левых и “черных”) в “респектабельном” страхе перед “доморощенными террористами” и “исламофашистами”. Этот страх связан с историей империи и ее утратой. В США, наоборот, страх обыгрывается режимом, достигающим “гражданской” и “международной” стабильности путем превращения места политики в царство полиции (тем самым давая возможность его сторонникам скапливать огромный финансовый и политический капитал).

То есть, конкретные обстоятельства истории, дискурсы, общественный строй, классовые конфликты, гражданские и международные войны в разных сочетаниях производят местные разновидности расизма и фашизма. Можно было бы написать несколько томов о том, какое именно из таких сочетаний порождает уличное насилие в Петербурге и по всей России, и широкую “моральную” поддержку “идей” (если не методов) этих трусливых убийц со стороны представителей властей и общества в целом. В данном случае, сопровождающийся вечной тревогой культ силы (т.е. финансового и политического капитала, полученного путем обмана и избирательного насилия) и авторитарный стиль управления просачиваются на улицы рефлексивной ненавистью к нерусским и горстке их заступников.

Задним числом мы убеждаемся, что проекты русского имперского “внутреннего” колониализма и советского интернационализма были построены на расистком и ксенофобском фундаменте, который сейчас, в постимперский период, отзывается осадой эстонского посольства прокремлевскими молодежными активистами и их же акцией поддержки “настоящего человека” Калоева. Тем временем их сверстники, не имеющие столь полезных связей, нападают с ножом на Тимура Качараву и Хуршеду Султонову в темных подворотнях или среди бела дня. Имперская и советская “цивилизаторские” миссии возвращаются кровавым фарсом—яростным спектаклем бессилия и почти невидимым (или нарочно незамечаемым) террором. Это уничтожение солидарности и справедливости, однако, представляется на телеэкранах (а поэтому в головах) как стабильность, которая приносит с собой возможность ничем неограниченного потребления, а также такую геополитическую мощь (в виде нефти и газа), которая гораздо ценнее, чем всякие сомнительные “миссии”.

Все это кажется очевидным. Этой очевидностью как будто объясняется почти полное молчание и бездействие по отношению к насильственному и риторическому расизму в Петербурге и других местах. На самом деле, нет ничего очевидного, даже для правильно думающей “либеральной интеллигенции”, как нам представляется, содрогающейся от ужаса, (но погружающейся тут же обратно в бездействие), при очередном сообщении об очередном преступлении. В “либерализме” тоже есть расистский элемент, проявляющийся в словах и поступках своих местных сторонников.

Так, на недавней лекции в Смольном колледже, герой-диссидент Владимир Буковский клеймил разлагающее влияние “политкорректности” на Британию, где “негритяских, лезбийских, однополых матерей-одиночек”-дикторов и пакистанских врачей берут на работу, лишь чтобы избежать исков и поддержать фальшивое гражданское равновесие. Его аудитория—западнически-настроенные профессора и студентство—встретила его отповедь молчанием. (Послушать запись можно здесь: www.youtube.com/watch?v=x1lwJIZ2hh8) После того, как я рассказал эту историю на форуме по расизму в “Мемориале”, один участник отозвался так: “Конечно! Буковский вырос в советской системе, где несправедливая политика по продвижению республиканских кадров в административных и научных сферах ужасно расстраивала большинство людей.” (Надо отметить, что этот же человек, наряду с другими антивоенными пикетчиками, отражал нападение наци-скинхедов на той же улице года полтора назад. В результате милицейского “разбирательства” по этому делу самый известный анархист в городе был вынужден скрыться на Украину.)

Или что можно сказать о публичной дискуссии (после сеанса кинофестиваля, призванного поощрять межнациональную толерантность), в ходе которой директор еврейской школы страстно перечислял все виды дискриминации, которым подвергались этнические русские в России в постсоветский период, а видные социологи горячо отстаивали право нацистов на свободу слова и призывали зал отнестись более снисходительно к молодым скинхедам и их тяжелой жизни?

В последние годы я столько раз сталкивался с подобными случаями “либерального” мышления, что они составляют для меня единое целое. Грубо говоря, авторитарный или фашистский расизм вызывает к жизни свое “прогрессистское” зеркальное отображение, тем самым обеспечивая нарастание террора. Модное слово толерантность, введенное в обиход несостоятельными госпрограммами или произносимое как заклинание псевдо-либералами, подразумевает, что доминирующая группа должна заставить себя терпеть подчиненных. Такого рода толерантность быстро обнаруживает свое истинное содержание, когда подчиненные отказываются или просто не могут вписаться в этот узкоограниченный и жесткий режим.

Кто же делает нацистов? Вы.

Кто делает, чтобы нацистов не было? Четыре человека, чьи рассказы вы прочтете на этих страницах. Двое из рассказчиков призывают нас к прямому действию или вмешательству. Первый отсылает к самим лучшим традициям международного движения за гражданские права и социальное равноправие; второй находит вдохновение в такой же гордой истории низового левого и общинного сопротивления фашизму. Третий и четвертый приобщают нас к тому, что Гилрой называет “мультикультурой со-общительностью” (multiculture of conviviality). Он имеет в виду, что люди живут или хотят жить таким образом, чтобы демонтировать или размыть те искусственные рамки, которые им навязывают доминирующие расовые и цивилизационные идеологии. Как бы мы ни оценивали стратегическую и тактическую ценность таких подходов, только таким образом мы сможем по-настоящему не “управлять”, а быть демократией.

* Название данной статьи отсылает к известной песне манчестерской группы The Fall, “Who Makes the Nazis?”

ЛЮДЕЙ НАДО ПЕРЕВЕСТИ НА СЛЕДУЮЩУЮ СТУПЕНЬ

Сначала я состоял в одной коммунистической партии. Там все было “Jawohl, mein Fuehrer!” Они делают всё потому, что так Ленин писал. Примерно тогда я прочитал первые книги Кропоткина и Бакунина об анархии. Поэтому я ушел оттуда и стал анархистом.

Раш-движение (*RASH = Red and Anarchist Skinheads*) возникло здесь в 2003-2004 гг. Я был первый раш. Почти все мы были анархо-панками, которые стали анархо-скинхедами. Мы участвуем в митингах. Выпускаем литературу, листовки, газету (“Линия фронта”: www.redskins.ru). Я еще завязан с субкультурами скинхедов и панков, поэтому я занимаюсь организацией концертов, пропагандой среди субкультур. Если люди реагируют, мы с ними работаем. Стараемся развивать их физически, проводить тренировки по боевому единоборству. Когда идешь на антифашистский концерт, есть риск, что подвергнешься нацистскому нападению. Если ты не готов защищаться, скорее это нападение плохо кончится для тебя. Я один раз лежал в больнице с ножевыми ранениями. Есть такой антивоенный пикет. Сначала было на него нападение, но пикетчики отбились. Предполагалось, что нападение повторится, так что мы собрали группу и пришли туда пикет защищать. Нападения на пикет не было, но позже мы разделились. Нас осталось семь человек и, наверное, человек двадцать пять-тридцать на нас и напало. На концертах на меня никогда не нападали, тем более, что после того случая я стал более внимательно себя вести. На концертах в основном нападают на тех, кто расслабляется—ушел один за пивом, один пошел на концерт из метро. Такого делать нельзя. Ксенофобия всегда была очень сильно развита в России. В начале 20-го века существовал Союз русского народа. Он был по сути нацистской партией и проводил погромы против евреев. В нем состояло около 500 тысяч человек. Ксенофобия не появилась в 90-е и не пришла с Запада. Когда родители кричат “Чурки понаехали! Все проблемы из-за евреев!”, дети их слушают. Потом они видят в школе старшеклассников-бонхедов. Видят в них почему-то крутых парней и присоединяются к ним. Большинство из них либо устает от этого, либо сталкивается с проблемами—с милицией, например. А сейчас мы появились, и они могут и с нами столкнуться. Антифашизм для меня—один из аспектов анархической борьбы. В стране в целом есть хорошие предпосылки для развития именно нацизма. Нацисты сейчас выходят на новый уровень, отказываются от гитлеризма. Они берут за основу “исторические” корни—национал-патриотизм, черносотенное движение. Они развиваются в этом направлении, состоят в таких организациях, как ДПНИ или Славянский союз. Многие люди хорошо ведутся на эту тему. Бог, царь, державность, империя. Гитлеровцам не на что опереться здесь в России. Большинство связывает национал-социализм со злом. Но как раз национал-патриотизм, ортодоксальный патриотизм, граничащий с нацизмом, хорошо может прижиться. Сейчас очень много иммигрантов, достаточно низкий уровень жизни. Почему в Англии движение наци-скинхедов набрало такие обороты? Потому что были проблемы и было на кого их свалить—на иностранцев. Так же и сейчас: есть проблемы социальные, которые можно свалить на других. Еще власти играют в такую двойную игру, выступая против нацизма, но с другой стороны всякими тайными способами его поощряя, как выпускной клапан для рабочего класса. Чтобы народ не стал винить власть, а винил иностранцев. Нападения совершают весьма глупые люди. Либо это заказные дела, либо идиоты сами совершили. В Москве старые бонхеды говорят, что этих питерских карланов, которые режут таджиков, надо мочить потому, что они этим абсолютно ничего не достигают. Таджик будут продолжать ехать, в стране полный атас творится. Но из-за того, что они их режут, складывается образ экстремистов, убийц, их жестко прессует милиция, им не дают устраивать концерты. Они теряют деньги, теряют людей, которых они могли бы сагитировать на концертах.

Люди проявляют такое безразличие по отношению к расистским нападениям потому что считают, что милиция должна с этим разбираться. Но в большинстве своем милиционеры сами ксенофобы. Меня много раз избивали в милиции именно за то, что я—антифашист. Несколько раз было так, что милиционер закатывает рукава, а там свастика. Бывший нацист (или настоящий нацист) и работает в милиции!

*****

Я активно выступал за создание ТСЖ в доме, где я живу. В принципе это—маленькая либертарная ячейка. Все говорили, “Что ты?! Мы сами не сможем. Давай только государственное управление. Государство нас не ограбит.”

Я еще участвую в рабочей борьбе. И тоже очень тяжело рабочим объяснить что-то. Давайте устроим профсоюз. “А у нас есть профсоюз.” Это хуевый профсоюз, государственный профсоюз, который занимается соглашательством.

У меня на работе одни гастарбайтеры. Если скажешь им про профсоюз, про борьбу за свои права, то они скажут, “Что ты? Лишь бы завтра нас не выслали в Таджикистан.” Надо чтобы местные сами себя стали поддерживать, а потом стали их поддерживать. Но есть и хорошие примеры—профсоюз на “Форде”, такие инициативы как Сохраним Юнтолово, Живой Город. Мы стараемся взаимодействовать с ними, их развить и на их примере людям показать: “Вот люди сами взяли и отстояли свой парк. Вы тоже можете это сделать.” Сейчас надеюсь, что у нас удастся поднять какое-то движение в районе метро “Политехническая”, где собираются снести хрущевки и выселить людей неизвестно куда. Мы собираемся ограничивать комитеты жильцов. Но мы не хотим быть каким-то авангардом, а ветром, который будет их поддувать. Чтобы они сами делали.

А так люди не хотят сами свою жизнь жить. Поэтому моя деятельность направлена на то, чтобы люди хотя бы в повседневной жизни стали думать головой и действовать. Люди не образованные, не подготовленные. Надо их как-то перевести на следующую ступень. Когда у наших людей появится опыт такой борьбы, тогда это можно будет сделать. // «Раш»

ДАЛЬШЕ ТАК НЕЛЬЗЯ

Во-первых, расизм проявляется в своего рода удивлении. Люди просто не ожидают в определенных местах увидеть темнокожих африканцев. Бывает, что сидишь, как мы здесь сидим, а вдруг услышишь, “Черные везде!” Человек реагирует на то, что видит. Нет ругани, нет плохих слов: просто удивление. Бывает, что начинают ругаться: “Чего вы понаехали! Что вас сюда занесло! Поезжайте обратно!” Кроме этого, есть и люди, у которых есть желание не только оскорбить, но и побить.

Расистские нападения происходят потому, что власть реально никогда не высказывалась против этого явления. Расизм сразу не пропал бы, но все было бы по-другому. Представления все-таки меняются в лучшую сторону. Но если власти это выгодно—т.е., помогает ей найти общий язык с населением—она будет продолжать именно в этом духе. Пока само общество не решит, что дальше так нельзя, что оно больше не будет это терпеть. Власть не высказалась, а многим людям безразлично. То, что на журналистку из Тувы напали в метро (и она как раз говорила порусски), и люди не реагировали (кроме таджика-гастарбайтера, который за неё заступился), это показательно. Люди настолько заняты своими делами, что не замечают, что происходит вокруг. И это опасно.

Мы ходим на марш в честь дня рождения Николая Гиренко (убитого 19.VI.2004). Он очень помог нам в “Африканском единстве”. Я его хорошо знал. Мы с ним вместе ездили в ЮАР

на всемирную конференцию против расизма. Он участвовал в круглых столах, которые “ИЧУМБИ” проводит в электротехническом институте. Эти семинары мы проводим, чтобы люди осознали, что расизм существует. Мы считаем, что это лучше получается со школьниками, студентами. Трудно переубедить пенсионера, считающего, что все должно быть, как он к этому привык. Или человека, которого научили, что любой иностранец, приезжающий в Россию—вообще враг. Как его убедить, что этот “враг” может оказаться другом, который подставит ему плечо, когда он будет в беде? Но с молодыми это вполне возможно. Они могут это понять. Студент, поучаствовавший в такой дискуссии, выходит оттуда и что-то остается у него в голове. Я помню первый наш круглый стол (в 2001 г.). Там выступал и Гиренко. Люди вопили, “Нет у нас расизма в России!” Позже, начиная с 2003 г., люди стали задумываться. Сейчас никто из тех, кто ходит на наши занятия, уже не отрицает наличие расизма. Даже власть уже признает это по-своему. Иначе, сейчас не было бы городской правительственной программы по толерантности. Другой вопрос, что мы еще не добились тех четких высказываний, о которых я уже упоминал. Или четкой реакции в форме плана действия, чтобы этого меньше стало или не стало вообще. Так что есть смысл в том, чтобы продолжить наши дискуссии—в школах, в университетах, там, где это возможно. Цель таких встреч как раз уменьшить тот контингент, который может развиваться в ярых расистов, в тех, кто выходит на улицу, бьет и убивает. //

Валенс Манирагена (член “Африканского единства” и председатель благотворительного фонда “ИЧУМБИ”)

ВИД НА СТРОЙКУ

Я сижу за монитором ноутбука, пишу этот текст. В окно вижу стройку шестнадцатизэтажного здания, где с утра до вечера работают ребята, которые в жизни не видели Интернета. Они приехали в этот город на заработки из забытых буржуазным богом поселков: в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Украине и той же самой России. Большинство ребят не выходят за пределы территории стройки. Чтобы не платить налоги, работодатель не сделал для них документов. В свободное время ребятам остается сидеть в вагончике и смотреть телевизор на малопонятном для многих, особенно молодых, русском языке. В вагончике тесно, но зато тепло. Душа не предусмотрено, и мыться после тяжелой работы приходится с помощью ведра и ковшика. Но ребята терпят эти невзгоды, они молоды, полны сил. И надежд?

— Какие у меня планы? Не знаю. Пока работаю.

Кариму еще только 20 лет. Большую часть своей зарплаты, которая составляет около 15 тысяч рублей в месяц, он высылает домой, где с родителями осталась сестра и двое братишек.

— Ты еще такой молодой. А уже взял на себя такую ответственность. Большинство питерских ребят в твоём возрасте еще находятся на обеспечении родителей. Чего ты хочешь в жизни?

— Хочу поступить в университет. Сколько денег нужно, чтобы поступить?

Это еще не план и не надежда. Скорее, мечта. Ведь нужно еще и место, где жить, и свободное от работы время, и знание

русского. А рабочий день, при котором можно получить ту минимальную зарплату, которая необходима для выживания и поддержания семьи, ненормированный.

— Когда у вас будет следующий выходной?

— Не знаю. Когда клей кончится!

Карим в Питере уже год, но только два месяца назад он получил документы—и возможность выходить с территории стройки. Он попал в небольшое число тех, для кого работодатель оформил документы, чтобы создать какую-то видимость законности. Благодаря этому мы и познакомимся. Иначе он так бы и работал за стеной, окружающей стройку, а я так бы и ходила мимо по проторенному маршруту.

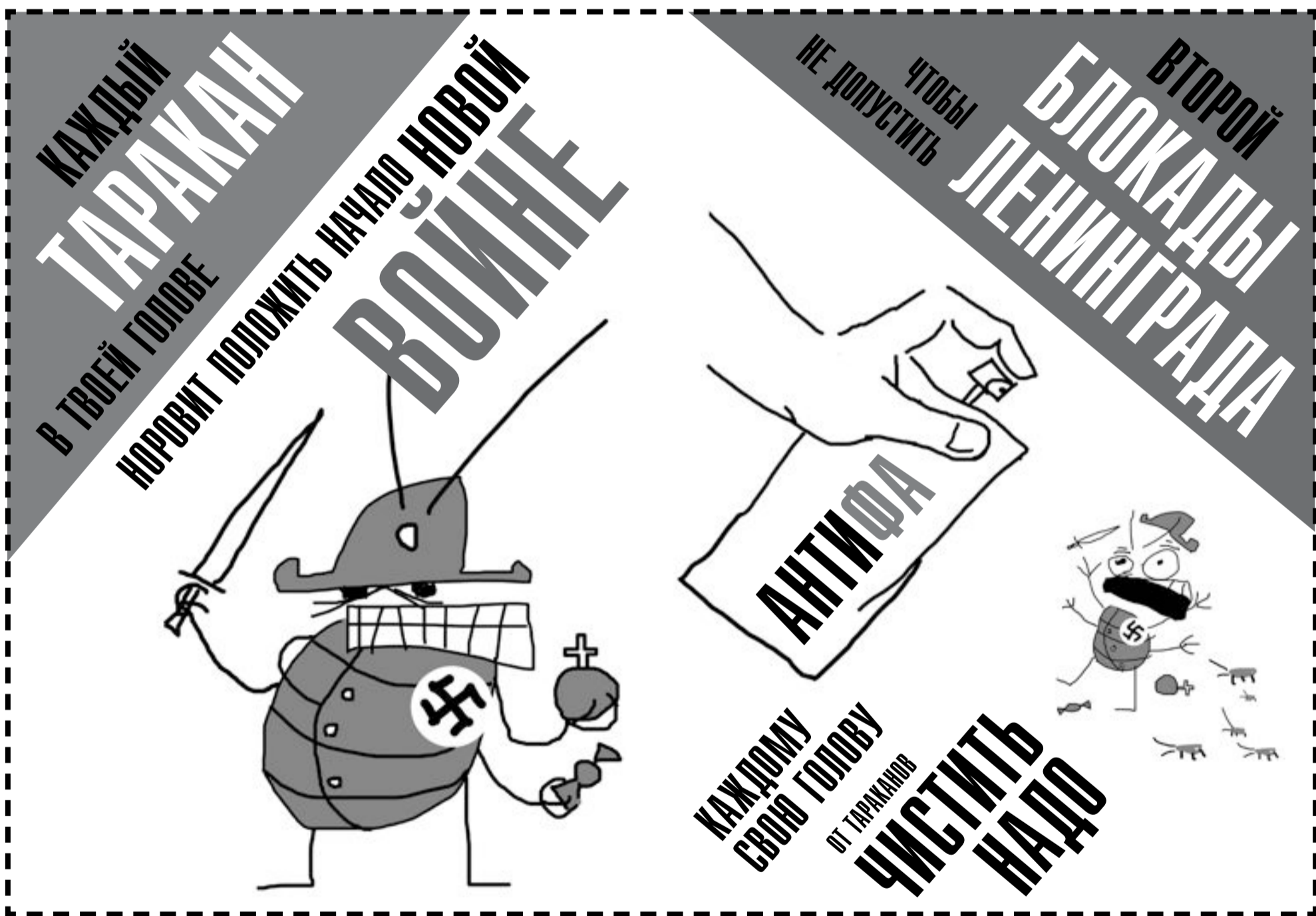
Документы, конечно, много значат, и чиновники ой как наживаются на их оформлении. Однако, правовой статус, который они обеспечивают рабочим-мигрантам, весьма иллюзорен. У всех, с кем мне удалось поговорить, были случаи, когда сотрудники милиции спрашивали документы и, удостоверившись, что документы находятся в полном порядке, не моргнув глазом, объявляли их фальшивкой. После этого стражи порядка требовали деньги, а в случае отказа “заплатить штраф”, начинали орать про “понаехавших в культурную столицу”, угрожать, а то и шарить по карманам.

— Документы не спасают от поборов,—говорит Дильшод,— Вот только это спасает —щит! — смеется он, показывая на рекламные плакаты на груди и спине, скрепленные на плечах веревочками. Этот приветливый мужчина лет сорока был вынужден устроиться на работу “человека-бутерброда” после того, как его обманули на стройке, заплатив меньше двух тысяч рублей за полтора месяца работы. Можно было бы предположить, что ему не повезло, он попал в лапы каким-

то аферистам. Но если аферистами являются такие крупные и уважаемые фирмы, как “Парнас-М”, надо думать, что речь идет о системном явлении.

Несколько месяцев назад “Парнас-М”, воспользовавшись услугами субподрядчика, нанял на работу 300 человек, которые по прошествии двух месяцев не увидели не только своей зарплаты, но и паспортов. Фирма-субподрядчик испарилась вместе с паспортами, а хозяева крупнейшего производителя мясoproдуктов на Северо-западе получили свою долю награбленного и даже не были потревожены каким-либо вниманием прессы. Скандал не прогремел на весь Питер, поскольку, так же, как и в случае с вымогателями в серой форме, жертвами стали те, у кого нет выхода к СМИ. Те, у кого нет голоса. И те, с кем мы, решившие связать свою жизнь с революцией, еще только ищем общий язык.

Я просовываю язык между его губ, и он улыбается. Такой поцелуй—это что-то необычное для моего дорогого товарища из консервативной узбекской деревни. Мы очень быстро находим взаимопонимание на языке жестов, прикосновений и эмоций. Но как поделиться большим? Мы вместе смотрим плакаты с серпами и молотами, Фиделем и Че, найдя в Интернете англо-узбекский словарь, я пытаюсь рассказывать о рабочем движении в США, о том, как мексиканские иммигранты создают профсоюзы и выходят на демонстрации. Трудность состоит в том, чтобы показать, что рабочая борьба — это не абстрактные кулак и звезда на моей венесуэльской футболке, а что-то реальное. Что-то, что может стать частью его жизни здесь, в холодном Питере. Что-то, что должно стать частью моей жизни тоже. Поскольку сейчас моя жизнь—не намного больше, чем футболка с надписью “Смерть капитализму!” // **Маньяна Мехор**
Имена, кроме “Парнас-М”, изменены.

СЛУЧАЙ В МЕТРО

Вчера около одиннадцати вечера мы с Валюшей, пройдя через турникеты на ст.м. “Охотный ряд” (вход со стороны Тверской), увидели, что мужика-среднеазиата, шедшего в паре метров впереди нас, остановил рядовой и с ходу, не представившись и не обосновав свои действия, принял требование “документы”. Подошли, я поинтересовался, на каком основании тот производит проверку документов. Мужик ещё даже не успел достать документы и смотрит за происходящим. Я ему говорю: “Вы можете спокойно идти”, мужик, не будь дураком, спускается по эскалатору, а рядовой ошарашенно смотрит ему вслед. Не давая ему передохнуть, требую от рядового предъявления служебного удостоверения. Тот отказывается, мы с Валей на пару напоминаем ему, что он обязан выполнять законные требования граждан, на что он отвечает нецензурной бранью и пытается свалить в комнату милиции. Я его окликаю: “Немедленно подойдите и предъявите удостоверение!”, сопровождая жестом: указал на рядового и на место передо мной. Рядовой хлопнул глазами и удрал в прозрачную комнату милиции. Я звоню по 112, сообщая подробности происшедшего, уже через пять-десять минут мне перезванивает дежурный по городу и говорит, что моё заявление передано в инспекцию по личному составу и дело будет под контролем отдела собственной безопасности УВД на московском метрополитене [...]

Через 15 минут подъезжает первая партия - прапорщик, непосредственный начальник рядового, со своим проштрафившимся подчинённым. Выясняется, что рядовой, вдобавок, является всего лишь стажёром, а, стало быть, вообще не вправе предпринимать какие-либо действия в

отсутствие кадрового сотрудника милиции [...]

Ещё через полчаса приезжает целая делегация [...] Особенно позабавил момент, когда рядовой упомянул, что я “отпустил гражданина”, майор из угрозыска захопал глазами: “Как это отпустил?”, на что мы с Валей с усмешкой пояснили, что свобода передвижения закреплена в ст.27 Конституции РФ и гражданин имел полное право уйти в любой момент, что я ему и предложил сделать. Немая сцена, офицеры переглядываются, а мы с Валей еле сдерживаем смех. После нам предложили изложить на бланке объяснения нашу версию и мы, параллельно читая лекцию, в основном, майору из угрозыска и капитану из отдела, описали происшедшее. Они пытались сослаться на ориентировки и телефонограммы, на что мы с Валей в два голоса их парировали тем, что в Законе “О милиции” вышеупомянутые ориентировки и телефонограммы не упоминаются в принципе. Из фраз, которые были неосторожно произнесены майором, можно выделить “Закон нам мешает ловить преступников” и “Действия сотрудников милиции всегда законны”. Видимо, парень переобчался с преступниками настолько, что сам стал мало чем от них отличаться. Был целый ряд традиционных в таких случаях “примеров” из серии “А если будет проходить преступник / террорист”, что было тут же парировано нами: “У преступников всегда с документами будет всё в порядке” и процитировал одного из завсегдаев форума сотрудников милиции: “Это будет реально хреновый сотрудник милиции, если он, будучи в форменной одежде, попытается задержать преступника посредством проверки документов, учитывая то, что преступник может быть вооружён, и дело может закончиться стрельбой в общественном месте и захватом заложников.” На это они ничего ответить не смогли... //

Николай Зборощенко

Полная версия истории находится по адресу: users.livejournal.com/marchcat/

Нападения и убийства на почве национализма

2004

- 2. 03.02.2004. Нападение на палестинца врача Фарад Джаллах Монира
- 4. 09.02.2004. Убийство 9-летней таджикской девочки Хуршеды Султоновой.
- 5. 15.02.2004. Нападение на студента из Вьетнама.
- 6. 13.03.2004. На станции метро "Невский проспект" убит 21-летний студент гражданин Сирии Абдальнадер Альбадав Махамед Мамун.
- 8. 23.04.2004. Убит Гуань Цзинь студент из Китая.
- 10. 31.05.2004. Убит студент гражданин Ливии Эльхамали Мухамад.
- 11. 19.06.2004. Убит один из ведущих российских экспертов по национализму и расизму Николай Гиренко.
- 12. 13.10.2004. Убит студент вьетнамец Ву Ань Туан.
- 13. 16 октября 2004. Избита Фрам Тхи Фынг Уен, 21-летняя вьетнамская студентка
- 14. 17 октября 2004. Избит студент из Конго, Мусанги Муоэлия.
- 16. 02.11.2004. Избиты студенты из Судана и Зимбабве.
- 17. 13.11.2004. Избит китайский музыкант Лу Чин Мин, дирижер Венского театра.
- 18. 24.11.2004. Избиты два студента из Африки.
- 19. 04.12.2004. Избиты три офицера Военно-морского флота КНР
- 21. 11.12.2004. Избит руководитель "Мемориала" В.Э.Шнитке.
- 22. 26 декабря 2004 г. Убит россиянин-напаец Сергей Бельды, студент

2005

- 25. 18.01.2005. Избит 30-летний гражданин КНР студент Чжан Пэнзэ.
- 26. 30.01.2005. Группой подростков избит 20-летний студент-метеоролог из Палестины Алдоу Халеда.
- 29. 22.02.2005. Избит 20-летний студент Шанг-Зайд Ахмад из Ирака.
- 30. 26 марта 2005. Избит 40-летний гражданин Китая Оун Дафань
- 32. Избит студент из Западной Африки Пьер.
- 33. 26.03.2005. В метро ранен гражданин Анголы - Оун Дафань
- 36. 10.04.2005. В метро ранены два гражданина Китая, 34 и 35 лет.
- 38. май 2005. Избит гражданин Буркина-Фасо, преподаватель французского языка Леандр Савадото.
- 28 сентября 2005 года Л.Савадото скончался от полученных травм.
- 40. 09.09.2005. Убит 29-летний гражданин Конго Эласак Роланд Франз, студент 3-го курса Лесотехнической академии.
- 42. 13.10.2005. Убит 20-летний музыкант, гитарист панк-групп "Sandinista" и "Distress", студент Санкт-Петербургского государственного университета Тимур Качарав и ранен 20-летний студент университета Максим Зтибай.
- 46. 16.11.2005. После рок-фестиваля "Мы разные", в подземном вестибюле станции метро около 20 молодых людей жестоко избili пять человек.
- 47. 03.12.2005. После окончания антифашистского митинга на нескольких его участников было совершено нападение.
- 49. 24.12.2005. Убит гражданин Камеруна Канхем Леон и ранен гражданин Намибии Мванги Энди Майна, слушатели подготовительных курсов

2006

- 52. 15.01.2006. В метро избит 27-летний гражданин Египта.
- 54. 31.01.2006. Совершено нападение на 24-летнего студента гражданина Уганды.
- 55. 19.02.2006. Избит гражданин Ирака, женщины, Айнур Булбаеву (уроженку Казахстана, гражданку Киргизии), 32 года и Ильфузу Бабаеву (уроженку Азербайджана), 34 года. В результате нападения одна пострадавшая погибла на месте
- 58. 23.03.2006. Избит африканец Стенли Теали Джеффсона Квауто, гражданин республике Гана.
- 59. 25.03.2006. Совершено нападение на 9-летнего левую-мудатку Лилиан Сиссоко. Ранена ножом в

История зачисток города Санкт-Петербурга 2003-2008

- Маир-Александр Мсма.
- 121. 18 ноября 2007. В центре Санкт-Петербурге произошла серия нападений на темнокожих иностранцев. Пострадали 5 граждан из стран Афганистана, Индии, Нигерии и Алжира
- 122. 1 декабря 2007. В метро избита правозащитница из Тувы Саяна Монгуш (Комитет солдатских матерей, Кызыл) и мужчина "челявинской внешности".
- 124. 1 декабря 2007. Убит 20-летний гражданин Узбекистана Умиджон Хайитов.
- 125. 1 декабря 2007. Ранен 59-летний уроженец Молдовы.
- 126. 23 ноября 2007. На концерте панк-группы "Король и Шут" убит 21 летний Алексей Коврижкин.

2008

- 127. 7 января 2008. Убит гражданин Узбекистана 22-летний Хасан Варкаев.
- 128. 2 января 2008. Убит гражданин Узбекистана 21-летний Икжон Алиев, работавший дворником.
- 130. 12 января (или 13) января 2008. Убит 22-летний гражданин Киргизии Каныбек Жусуков, подрабатывавший на стройках.
- 131. 30 декабря 2007. Ранен гражданин Таджикистана, таджик.
- 132. 23 января 2008. Убит 41-летний гражданин Таджикистана.

Разрушенные исторические здания

- 133. 3-я Советская ул., д. 40. Разрушен в 2008 году.
- 134-135. 8-я линия В.О., д. 11; Днепровский пер., д. 12-14 (сквозной участок). Подворье Александровской лавры, 2 эт. Построено: в 1780-е годы. Снесён в 2005 году.
- 136. 8-я линия В.О., дом 37. Жилой дом, 5 эт. В процессе реконструкции имитировано «самообрушение части конструкций», после чего снесён полностью.
- 138. 12-я линия В.О., д. 41 лит А. Комплекс построек фабрики Э.Э. Бремме архитектор Сосков А.П., построен в 1897-1898гг., разрушен в 2006 году
- 139. 13-я линия В.О., дом 52. Здание комплекса больницы Французского благотворительного общества, 3 эт. Построен: арх. Сюзор П.Ю., в период 1884-1907. Снесён в 2004-2005 годах.
- 140. Арсенальная наб., дом 11. Построен: арх. Алевской Н.Г. и др. 1948-1954. Снесён в 2007.
- 141. Беллинского ул., дом 4. Построен: 1777 год. Снесён в декабре 2007 года.
- 142. Большая Подьяческая ул., дом 28. начало XIX века. Снесён в 2006 (?) году.
- 143. Большая Пушкарская ул., дом 22. Здание баш Е.Ф.Овчинникова. Построено: арх. Сюзор П.Ю., 1876-1877. Снесен в 2006 году.
- 144. Вознесенский пр., дом 1, угол Адмиралтейского пр., дом 12 (литер А4) Дворовой флигель: арх. Монферран О., 1817-1820; Снесён в 2007 году.
- 145. Вознесенский пр., дом 6. Построен: лицевой флигель: 1764-1776 гг. Снесён в 2007 году.
- 146. Декабристов ул., дом 34. Здание Дома культуры им. I пятилетки, 3 эт. Построен: арх. Митурич Н.А., 1930. Снесён в 2005 году.
- 147. Добролюбова ул., дом 12. Жилой дом, Построен: 1896. Снесён в 2005 (?) году.
- 148. Дровяной пер., дом 2. Предполагательно – начало XIX века. Снесён в 2006 году.
- 149-150. Зоологический пер., д. 2. и 4. Разрушен в 2007 году
- 151. Казанская ул., д. 3 лит А. Здание 19в., разрушено в 2005 году (?).
- 152. Карповка, д. 39/Карповский пер., д. 8. Архитектор П.В.Резвый, 1905. Разрушен в 2000-ых
- 153. Кирочная ул., дом 39; Парадная ул., дома 1, 3; Вылевский пер., дома 12, 14; Радищева, дома 35, 37, 39 («Парадный квартал»). Комплекс казарм лейб-гвардии Преображенского полка. Построен: арх. Волков Ф.И., Демерцов Ф.И., Иванов А.П. и др., XIX – начало XX века. Снесены в 2006-2007 годах.
- 154. Красногвардейская пл., дом 1. Производственное здание (дех) на берегу р. Охты, при впадении в Неву, 2 эт. Вторая половина XIX века. Назначено на сносу по проекту «Охта-центра».
- 155. Крестовский пр., д. 9. Здание в стиле конструктивизма. Разрушено в 2000-х гг(?)
- 156. Левашовский пр., дом 20. Жилой дом, 3 эт.

Построен: арх. Игнарович О.Л., 1897. Снесён в 2003-2004 годах (?).

157. Литовский пер., дом 3. Здание Лигеро-водочного завода Ивана И. Иона, 3 эт. Снесены дворовые флигели и дворовый фасад лицевого флигеля в 2007 году.

158. Литовский пр., дома 13 и 15. Снесены в 2007 году.

161. Литовский пр., дом 61. Особняк арх. Д.Д.Соколова, 3 эт. Построен: 1882-1883. Снесён в ноябре 2007 года.

162. Литовский пр., дом 123, угол Рязанского пер., дом 1. из числа образцов ранней застройки проспекта, вторая треть XIX века. Снесён в 2007 году.

163. Литовский пр., дом 127. Особняк Н.С.Рыжжина.

166. Литейный пр., дом 5, угол ул. Чайковского, дом 19. Доходный дом. Снесён в 2007 году.

167. Литейный пр., дом 26, и ул. Короленко, дом 12. Дом Гвардейской Артиллерийской бригады, Объединённая охранная зона. Снесено в 2006 году.

169. Минский пер., дом 4, угол Союза Печатников, дом 1. Снесён в 2005 году.

170. Московский пр., д. 97. Дом культуры Союза кожевников им. В.П.Капанова. Построен: арх. Рейман М.С., 1929-1931. Стиль – конструктивизм. Снесён в 2006 году.

171. Московское шоссе (пр.), дом 137. Предположительно, 1900-е годы. Стиль – модерн. В 2007 году здание частично разрушено, частично перестроено.

172. Московское шоссе (пр.), дом 156. Контора с квартирой управляющего Котельного завода. Конец XIX - начало XX века. Снесён в 2006 (?) году.

173. наб. Крокова канала, дом 5. Фрагмент Литовского рынка, 2/4/6 эт. Построен: лицевой 2-этажный флигель – арх. Кваренги Д., 1787-1789. Снесён в 2005 году.

175. наб. Обводного канала, д. 118а, лит. О, С. Предположительно, вторая половина XIX века, кирпичный стиль. Снесён в 2007 году.

176. Невский пр., дома 114 и 116, угол Восстания ул., дом 2. Осенью 2006 – весной 2007 гг. осуществлен массивный снос исторических зданий на углу Невского проспекта и улицы Восстания

177. Невский проспект, дом 55. Доходный дом XIX века, перестроен в 1892 г. архитектором А.Ивановым. Снесён в 2005 году.

178. Невский проспект, дом 59. Здание рядовой архитектуры XIX века. Снесён в 2005 году.

181-182. Парадная ул., д. 1 и д.3. Разрушен в 2007

183. Пионерская ул., дом 16, угол Музыкантского пер., дом 2, и Малой Гребешкой ул., дома 5-9. Казармы СП6 Пехотного юнкерского училища, 2-3 эт. Стиль – классицизм, электика, кирпичный стиль. Снесён в 2007 году.

184. Пискаревский пр., дома 1 и 3 (Свердловская наб., 46). Производственные здания Охтинской бумагопрядильной мануфактуры (главный производственный корпус, паросиловой цех с дымоходной трубой и водонапорной башней, жилой дом – быв. казарма рабочих мануфактуры). Стиль – электика. Снос зданий начал в 2007 году со стороны двора.

185. Полустровский пр., дом 8; Пискаревский пр., дом 8; Жукова ул., дом 3. Комплекс зданий Канатной фабрики. Основной объём комплекса снесён в 2005-2006 годах.

186. Радищева ул., д. 35, 37, 39. Разрушены в 2007 году.

187. Репетникова, дом 14

188. Комплекс зданий по улице Розенштейна частично снесены в 2007 году или же планируются к сносу

189. Рыбачий пр., дом 18. Вторая половина XIX века. Стиль – электика. Снесён в 2007 году.

191. Сталион им. С.М. Кирова. Архитекторы Никольский А.С., Кашин-Линде К. И., Степанов Н.Н., 1930-1950. Снесён в 2007 году

192. Чапаева ул., дом 16. Нежилое здание, 2 эт. Построен: автор не установлен, 1935. Стиль -- конструктивизм. Снесён в 2006-2007 (?) году.

193. Комплекс зданий по улице Шкапина снесены в 2006-2007 году.

пешо, выжила чудом.

60. 25.03.2006. Во время антифашистского митинга избиты трое студентов.

61. 02.04.2006. Избита студентка гражданка Китая

62. 07.04.2006. В центре Санкт-Петербурга был застрелен 28-летний студент 5 курса Института связи им.Бонч-Бруевича, член Африканского единства, гражданин Сенегала Самба Лампсар.

65. 15 апреля 2006. В метро совершено покушение на двух студентов из Монголии.

68. 4 мая 2006. Группой неизвестных избит студент из Вьетнама.

69. 21 мая 2006. Трое неизвестных избили гражданка Эквадора.

71. 17 августа 2006. Убит гражданин Узбекистана, дворник. Многочисленные ножевые ранения получили гражданин Таджикистана, также работающий дворником.

72. 28 августа 2006. Жестоко избита 32-летняя уроженка Таджикистана.

73. 30 августа 2006. На студента из США напала группа молодых людей.

76. 24 сентября 2006. Убит 27-летний студент 6-го курса Медицинской академии им. Мечникова, гражданин Индии - Сингх Нитеш Кумар.

77. 29.09.2006. Нападение на студента из США азиатского происхождения.

82. 29 октября 2006. Во время «Марша против ненависти» убит студент академии имени Репина Станислав Дорофеев (23 года).

80. 15 ноября 2006. Нападение на эксперта по проблемам ксенофобии.

83. 3 декабря 2006. Нападение на антифашистов, возвращавшихся с пикета Антивоенного комитета.

85. 10 декабря 2006. Нападение на участников антифашистского движения.

2007

87. 14 января 2007. Ранен антифашист, возвращавшегося с акции “Еда вместо бомб”.

89. 4 февраля 2007. В метро ранен гражданин Камеруна, Нзия Эвуки Арман Дюкло.

90. 4 февраля 2007. Нападение в метро на 28-летнего цыганку - гражданку Молдавии.

91. 4 февраля 2007. Нападение на выходца из Узбекистана. Пострадавший в тяжелом состоянии был доставлен в больницу.

92. 16 февраля 2007. Избит юноша-армянин, а также два гражданина Узбекистана. Один из них - Фаргет Наимов - скончался на месте от черепно-мозговой травмы и множественных ножевых ранений.

93. 18 февраля 2007. В результате взрыва в ресторане “Макдональдс” пострадало пять молодых девушек, двое из них - подростки, и 38-летний турист из Германии, получивший контузию.

94. 24 февраля 2007. Тяжело ранен 19-летний гражданин Таджикистана.

98. 20 марта 2007. Убит гражданин Таджикистана.

100. 18 марта 2007. Избиты 23-летний подданный Великобритании и 22-летний подданный Марокко.

101. 20 марта 2007. Убит гражданин Таджикистана.

103. 7 апреля 2007. Избиты два гражданина Таджикистана и вступившийся за них выходец из Марокко адвокат Кхалид Феллуксус.

107. 1 мая 2007. Избит 26-летний студент из Зимбабве Вильям Замбишири.

110. 21 мая 2007. Избиты граждане Таджикистана, 41-летний Хурсан Мамажонов и 43-летний Курбанали Ибрагимов.

111. 19 июня 2007. Нападение на старшего научного сотрудника Кунсткамеры, руководителя группы по правам социальных меньшинств Санкт-Петербургского союза ученых Валентину Узунову.

113. 1 июля 2007. Убит выпускник Аграрного университета 23-летний Дамир Зайнуллин.

115. 31 июля 2007. Убит Яков Пак, гражданин Узбекистана, этнический кореец.

116. 8 сентября 2007. Ранен 42-летний гражданин Таджикистана.

117. 1 (или 18-го) сентября 2007. Убит уроженец Армении Саргсян.

118. 2 октября 2007. В метро жестоко избит мулат.

119. 13 октября 2007. В “Рок-клубе”, на фестивале “Музыка улиц”, был предотвращен теракт. Тяжело ранен 19-летний юноша.

120. 11 ноября 2007. Тяжело ранен аспирант Санкт-

Дмитрий Воробьев

Это наш город?!

Образ города составляют его планировка, взятая в ее историческом аспекте, рядовая застройка, создававшаяся веками, рельеф местности, связь с окружающей природой, путями сообщений, окрестностями и т.д. Самая характерная градостроительная черта в облике Петербурга – преобладание горизонталей над вертикалями, наличие многочисленных водных пространств и гармоничность архитектурного ландшафта в целом. Благодаря отсутствию подъемов и спусков, улицы становятся интерьером города. Окраска домов играет в Петербурге очень важную роль, тона в городе по преимуществу акварельные.

Но что сейчас происходит с нашим городом? Наш основной вопрос: что происходит с городом и с нами? Что всё это значит? Петербург значительно изменился за последние 5-10 лет, вот лишь несколько штрихов. Старый город, исторический центр застраивается “новой архитектурой”, зданиями которые диссонируют с исторически сложившимся архитектурным ансамблем Петербурга. Старый город разрушается. Памятники архитектуры десятилетиями стоят в аварийном состоянии, сносятся целые кварталы домов XVIII века постройки. Центр города заставлен автотранспортом, улицы города задыхаются от машин. Молчаливое разрушение города похоже на исполнение старой мечты - затопить дворцы и музеи и понастроить сказочные терема. Более того, город разрушается с поддержкой государства. Может быть в наше время они нашли друг друга - государство и народ? В таком случае, кем являются люди которые выступают в защиту города? Получается, что они являются противниками народа и государства? Диссиденты или антивирусы?

Это наш город!

Многочисленные инициативные группы, общественные движения в защиту своих домов, скверов и исторического центра стремятся к тому, что бы градостроительная политика города была гуманна. Но есть ли альтернативный реалистичный сценарий развития города? Как может выглядеть наш город, если подойти к его развитию вдумчиво и грамотно?

1. Старый город. Вывод архитектурного облика исторического центра на состояние 1950-х годов. Реконструкция старых зданий и снос новых зданий, не вписывающихся в каноны старого города. Сохранение жилой функции в центре города. Выведение офисно-деловых центров из старого города на периферию, с тем, что бы в центре осталась только малая часть офисов. Распределение офисных зданий по всему городу с отселением на окраины.
2. Периферия исторического центра. Снос хрущёвок и строительство новых районов с офисами, жильём, школами и скверами. Развитие общественно-деловой застройки на территории депрессивных промышленных зон.
3. Гуманная транспортная политика. Развитие общественного транспорта, ограничение въезда в исторический центр города, увеличение числа улиц с односторонним движением, платная парковка в центре города.
4. Закон. Жёсткий контроль над соблюдением градостроительного регламента. Сохранение зелёных площадей с запретом их застройки. Ограничение наружной рекламы, демонтаж рекламы не связанной с местом размещения.

Краткая история жилищного строительства в Санкт-Петербурге XXI века: саботаж

В крупных городах нашей страны существует более чем десятилетний нереализованный спрос на новое жильё. Для решения этой проблемы в начале 2000-х годов была принята Федеральная целевая программа “Жилище” на 2002-2010 годы, а также приоритетный (президентский) национальный проект “Доступное и комфортное жильё - гражданам России”. Предполагалась значительная финансовая поддержка за счёт федеральных целевых средств, направленная на квартальную застройку. Масштабное жилищное строительство требует освоения новых строительных площадок и хорошо налаженной системы обеспечения пятен под застройку инженерной инфраструктурой. Города были обязаны подготовить генеральные планы, наметить районы застройки и подготовить инфраструктуру для квартальной застройки. Реализация проекта в намеченные сроки была сорвана вследствие того, что крупные города не выполнили свои обязательства.

В настоящее время за счёт федеральных денег строится в основном элитное жильё. Бюджетные деньги тратятся на поддержку крупнейших корпораций, так как подготовить проекты смогли только крупные инвесторы, такие как Росстрой. Например, в Санкт-Петербурге господдержку получили три проекта элитной застройки бизнес-класса, это строительство жилых комплексов в Конной Лахте, проект “Серебрянная Долина” (инвестирует Олег Дерипаска) и крупносерийное деревянное домостроение на Славянке. Одновременно, город финансировал подготовку новых промышленных участков, в основном под новые заводы по сборке автомобилей компаний Тойота, Ниссан и др. При этом город не сдержал обязательства ни перед федеральным центром, ни перед строительными фирмами.

Кроме федеральных проектов, принимались и региональные программы по строительству нового жилья. Санкт-Петербург не является исключением. Начиная с 2003 года планировалось выйти на ежегодный ввод двух-трёх миллионов квадратных метра жилья. Однако, из-за отсутствия генпланов и подготовленных для застройки крупных площадок, выдавались разрешения на точечную застройку, преимущественно в пределах сложившихся кварталов. К примеру, администрация Петербурга выпустила в 2003 году 212 распоряжений по различным участкам под строительство, суммарной площадью 3,1 млн кв. м. Именно отсутствие свободных площадок в городе и необходимость решения жилищного вопроса привело так называемой уплотнительной застройке участков внутри существующих кварталов, на пустырях, в парках и скверах, что порождает в городе социальную напряженность. Одновременно практикуется строительство зданий в пределах исторического центра города, объекты обладают сверх ликвидностью.

В итоге, на фоне дефицита инфраструктурно готовых участков под застройку и десятикратного удорожания земли, строительные компании оказались в сложных условиях. Более чем десятилетний спрос на жильё не реализован из-за отсутствия денег на подготовку инженерной инфраструктуры.

Материалы открытой научной конференции “Дворцовая площадь: проблема восприятия в историческом контексте”

Открытая научная конференция “Дворцовая площадь: проблема восприятия в историческом контексте” посвящена вопросам трансформации облика Дворцовой площади как архитектурного ансамбля с акцентом на изменения прошедшие в последние года. Конференция прошла 9 января 2008 года на Дворцовой площади под открытым небом, около главного входа в Эрмитаж (это здание напротив Ледового катка). Вследствие северного климата нашего города организаторами был выбран динамичный стиль ведения мероприятия: на доклад каждому выступающему отводилась ровно одна минута. Это позволит сказать главное, избегая лишних слов и обморожений. Конференция была открытая, участвовали специалисты разного профиля – художники и поэты, историки и архитекторы, социологи и юристы, а также журналисты и сотрудники Эрмитажа. В качестве эмпирического примера для глубинного анализа происходящих процессов был выбран наглядный пример - ледовый каток на главной площади нашего города. Вследствие того, что данная конференция не является узко теоретической, мы получили доклады, нацеленные на творческое осмысление выбранного эмпирического примера. На конференции, которая прошла за 45 минут, были обсуждены следующие темы: исторический анализ различных аспектов формирования ансамбля Дворцовой площади, её функциональное значение в различные временные периоды; формы символического насилия над архитектурными шедеврами в начале XXI века; почему Петербург теряет статус культурной столицы России?; каток на Дворцовой площади: культурная провокация, ошибка или эффективный бизнес проект? Ниже представлены тезисы несколько тезисов выступления участников конференции. От имени оргкомитета конференции, общественное движение за сохранение культурного наследия Санкт-Петербурга “Живой город”.

Тезисы выступлений участников конференции.

Пока на Дворцовой площади катаются – революции не будет

Нидлякого не секрет, что в последние годы по странам СНГ прокатилась целая волна т.н. «оранжевых революций». Грузия, Украина, Таджикистан... Люди, сейчас находящиеся у власти в нашей стране, не чувствуют себя в полной безопасности от попыток подобных переворотов. Отсюда – такое жесткое подавление “маршей несогласных”, прошедших во многих городах России. Однако, чтобы революция свершилась, нужны определённые условия – т.н. “революционная ситуация”. Сюда входят такие факторы, как: отключение тепла, света, отсутствие продовольствия в магазинах. Также необходимым является некое свободное пространство, на котором протестующие против режима могут собраться вместе. Вспомним, к примеру, Майдан, сыгравший такую большую роль в событиях в Украине. Санкт-Петербург – город трёх революций. Заметьте – сейчас в городе нет ни одной большой площади. Дворцовая занята катком, в Екатерининском садике – ярмарка... Случайно ли это? Может быть власть старается обеспечить народ хлебом и зрелищами, тем самым пытаясь отвлечь от реально существующих проблем в городе и стране? Ольга Викторова, публицист, Москва.

“Синие заборы” и нормализация общества

Уважаемые участники конференции. В своём, кратком выступлении я собираюсь рассмотреть только один, весьма очевидный факт. Почему выбранный вами эмпирический пример для анализа процесса трансформации образа Дворцовой площади – столь сильно режет глаз и вызывает столь же сильное отторжение на эмоциональном уровне? С моей точки зрения, это очередной психофизиологический эксперимент города, направленный на снятие конфликтотенной обстановки вокруг нового жилищного строительства в Петербурге. Как это связано? Напрямую. Если мы обратим внимание на многочисленные строительные площадки в этом городе, то мы увидим их общую черту – бессистемность размещения и синие заборы, наглухо отделяющие их от уличного ландшафта. Что мы видим на Дворцовой площади? Объект с теми же характеристиками. Какие ожидаются следствия в сознании обывателей города через три месяца? Образ синих заборов и башенного крана (его роль выполняет в данном случае Александрийская колонна) – накрепко впечатывается в сознание прохожих и будет со временем наглухо вытеснен из сознания. Следовательно, столь же привычными и не заметными станут синие заборы строительных площадок. Данный простой ход, основанный на знании психоанализа, как ожидается, поможет

снять напряжённость вокруг весьма не гуманной застройки города. Спасибо за внимание. Дмитрий Воробьев, социолог

Дворцовая площадь как общественное пространство

Площадь города - общественное пространство и должно быть доступно всем. Дорогой платный каток - роскошь доступная немногим, бутик для избранных, коих много уже на невском. Капитализм расширил свои границы и возможности удовлетворить желание потреблять везде, а общественное пространство города еще более сузилось. Горожане могут лишь наблюдать за чужой недоступной жизнью. Общественные пространства должны принадлежать людям! За доступный и бесплатный детский смех на доступном и бесплатном катке! Настя Некозакова, общественный фрилансер

Лицемерие и тошнота

Причина конфликтного отношения общественности Санкт-Петербурга к инновациям в городском пространстве разного рода, начиная от так называемых «мегапроектов» вроде Охта-центра, Орловского тоннеля и Западного скоростного диаметра, до развернувшейся в настоящее время тотальной реконструкции исторического центра города и заканчивая реновацией сложившихся районов периметра города, кроется не столько в нерелевантности данных урбанистических решений траектории исторического развития города и несовместимости с архитектурным ансамблем Санкт-Петербурга, сколько в преуменьшении роли процесса согласования с жителями города, с затрагиваемыми группами интересов с контролирующими ведомствами и, как следствие, в игнорировании процесса публичного обсуждения проектов и проведения экологической, градостроительной и социальной экспертиз новых проектов. Или, другими словами, всех уже тошнит от цинизма городских властей, которые нагло продавливают идиотские по своей сути проекты. Ирма Сметкова, публицист.

Лубочный аспект истории Петербурга

Мы становимся свидетелями удивительного преобразования Петербурга – из города прозрачных акварельных этюдов и изысканных черно-белых гравюр он превращается в лубочный городок петровской эпохи. «Город для горожан» - говорит нам глава города; достойный лозунг! Но, созерцая отражение этого девиза в размалеванных масляных лошадях перед Александрийским театром, хочется узнать, каких же горожан видит перед собой наш градоправитель? Каковы они, эти диковинные люди, выдающие сходство между хозяйственными постройками, украшенными псевдо-лубочной росписью, и ансамблем Дворцовой площади? Да, были на берегах Невы и бесшабашные многодневные гуляния, и огненные потехи, и нарочито-мужицкие государственные забавы, но стоит ли воссоздавать их неприятельный похмельный дух среди бессмертных гармоний девятнадцатого столетия? Рута Фрайберг, социолог (Норвегия, Троннхейм)

Видеоархитектура города

Визуальный ряд, как известно, оказывает сильное влияние на восприятие действительности. При этом разрыв постоянный привычных связей (например уничтожение знакомого здания, или строительство уродливой башни, подминающей шедевр Воронихинской решетки) действует напрямую на сознание. Люди, не привыкшие к подобному, испытывают настоящий, психологический шок. таким образом любые действия уважаемых градостроительной компаний например, фирмы «Терминатор», или «Ассоциации по сносу зданий», вызывают у людей неприятие и порой, даже активный протест. Каток на Дворцовой призван сгладить подобные реакции, исподволь приучая население к нормальности искаженных видов. Казалось бы безобидное (поскольку временное) внедрение чужеродных построек в сложившийся ансамбль площади приводит к тому, что у людей возникает привыкание к вмешательству в ансамбли города и разрушается само представление об архитектурном ансамбле. То, что умиротворяющее действие подобных экспериментов на умы уже сказывается, видно на примере того, что пресса практически повсеместно восприняла как должное проведение 8 сентября (в день начала блокады) пивного фестиваля в парке Победы. Наш Институт психоанализа будет с интересом следить за ходом последующих исследований. Марианна Невзорова, научный сотрудник.

акция ДСПА

8 февраля по требованию государственной пожарной инспекции и решением Дзержинского суда была на 90 дней приостановлена учебная деятельность Европейского Университета в Санкт-Петербурге. 18 февраля суд подтвердил это решение. Университет закрыт, занятия в нем не ведутся. Руководство университета заняло крайне осторожную позицию, избегая политической интерпретации происходящего, однако провело все же 19 февраля пресс-конференцию, в которой обвинило неизвестные силы, враждебные кандидату в президенты Медведеву, в желании устроить скандал перед выборами.

Предыстория этого события такова. В 2007 году Университет получил грант Европейского союза на мониторинг предстоящих выборов и обучение наблюдателей. Вскоре один из депутатов Госдумы подал запрос о соответствии этого проекта лицензии университета. В дальнейшем С. Ястржембский и Президент РФ В. Путин упомянули Университет как пример вмешательства ЕС во внутренние дела России и предложили симметричные меры (российские учреждение, проводящие мониторинг выборов в Европе). В течение некоторого времени руководство проекта и университета вызывали в прокуратуру, по-видимому рассматривая возможность открытия уголовного дела. Возможности этой не нашли и решили идти другим путем. В университете появились комиссии Федеральной регистрационной службы, комитета по науке Правительства Санкт-Петербурга и пожарной инспекции. Несмотря на то, что в январе 2008 г. руководство университета закрыло упомянутый проект мониторинга выборов, одна из этих комиссий – пожарная – закрыла университет. Она предъявила список из 52 нарушений пожарной безопасности. Исправление той части из них, которая быстро поддавалась исправлению, не дало результатов – 18 февраля суд подтвердил свое решение вплоть до устранения остальных нарушений. Между тем, оставшиеся нарушения поддаются исправлению медленно и дорого, или не поддаются вовсе (в силу исторического статуса здания). Надо отметить, что за год до этого регулярная проверка пожарной инспекции не выявила в Университете никаких нарушений. В очень многих образовательных учреждениях Санкт-Петербурга пожарная безопасность находится на таком же или более низком уровне, что и в Европейском Университете.

Таким образом, мы имеем дело с типичным для России 2000х годов «рейдом», исходящим в данном случае откуда-то с самого верха «вертикали» или «вертикалей» власти. Новизна здесь только в том, что мишенью здесь стало образовательное учреждение, причем учреждение, ориентированное на международную науку и, с момента своего создания, использующее западную систему образования (учебная аспирантура, кредитная система, американская система оценивания, интерактивное преподавание, акцент на письменные работы и т.д.).

Итак, ближайшим образом, закрытие университета стало частью нового тренда в российской политике, который недвусмысленно следует примеру белорусского президента, уже поспешившего закрыть европейский университет в Минске в 2004 году, развившегося в последний год и выразившегося в борьбе с влиянием Запада: закрытие Британских советов, конфликты с европейскими наблюдателями на выборах, обвинение правозащитников и других либералов в том, что они «шакалят» и т.д. Разумеется, режим не может позволить себе настоящей изоляции от Запада, по двум причинам. Во-первых, он зависит от Запада как от покупателя нефти и газа, как от надежного держателя российских денег, как от инвестора, и как от комфортного места для проведения роскошного отпуска. Во-вторых, он ведет избирательную «модернизацию» страны, то есть проводит ее техническое переоснащение и вводит неолиберальные технократические методы управления (сити-менеджеры вместо мэров, менеджмент, исходящий из задач, финансовая дисциплина и т.д.). Поэтому Европейский университет, по большей части занимающийся высокопрофессиональной, но объективистской социальной наукой либеральной ориентации, чувствовал себя в безопасности, как часть некоего экспертно-технократического аппарата, необходимого технократической власти – и западной, и российской. В большинстве случаев, это такая социальная наука, в которой изучение классовых антагонизмов заменяется анализом индивидуальных стратегий и индивидуального экономического расчета, а демократическая политика понимается как конкуренция элит. Но, как любое серьезное интеллектуальное сообщество, Европейский не занимает, конечно, сугубо конформной позиции, а является местом, где помимо экспертного анализа, существует и критическая дискуссия, и теоретическое обобщение. То есть это классическая полуавтономная интеллектуальная институция, штаб космополитической интеллигенции.

З а к р ы т и е Е в р о п е й с к о г о У н и в е р с и т е т а – О Г О Н Ъ П О Ш Т А Б А М ?

И вот, по этому штабу ударил залп со стороны авторитарного неолиберального режима, страхующегося от идеологического влияния мощного соседа. В перспективе это значит, что автономия интеллектуалов будет разрушена, и научно-образовательные институции будут поставлены под идеологический контроль государства. Но ирония в том, что, во-первых, у нынешней власти нет серьезной, то есть универсалистской идеологии (их национализм сводится к усмотрению всего хорошего в себе и дурного в чужих), а во-вторых, в государственных ВУЗах, в отсутствие западной системы организации образования, царит страшный упадок дисциплины и интеллектуального уровня – об этом свидетельствует хотя бы история с соцфаком МГУ, где власти упорно отказываются заменить декана, уличенного в плагиате (!).

То есть речь на самом деле не идет о навязывании своей идеологии интеллектуалам. Речь идет о разрушении образовательных институций и об отказе от социальной рефлексии. Ведь позитивистский объективизм дает пусть неглубокое, но твердое знание об обществе. А вот социология, приписывающая проценты по звонку из Кремля, или учение о православной духовности русского народа, неспособно дать об обществе никакого знания. Учреждения, где студенты платят взятки за поступление, за экзамены, а преподаватели воруют чужие учебники, не могут транслировать никакой идеологии, однако способны выпестовать циничную, коррумпированную личность, пригодную для работы в госструктурах.

Впервые в новой истории России, скажем так, со времен Николая Первого, власть вообще отказывается от опоры на интеллигенцию и заменяет ее полуобразованным чиновничеством и низкопробной культуриндустрией. Они решили, что обойдутся без социальной рефлексии и развития высокой культуры, пока бизнесмены выстраивают культуру корпоративную, пиарщики – культуру массовую, а неохваченных всегда можно купить на излишки нефтяных денег. Интересно, что при всей антизападной направленности подобных мер, они аналогичны текущим тенденциям во многих странах Запада, где автономия образования разрушается, конечно, не такими варварскими методами, как у нас, но путем технократического реформирования университетов – их переориентации на самостоятельное зарабатывание денег, навязывания позитивистски-объективистской методологии и т.д. То есть в нашем контексте автономия социальной науки разрушается путем закрытия Европейского Университета, а на Западе она разрушается путем превращения традиционных университетов в учреждения, подобные Европейскому (но без его автономности от спонсоров). Зеркало, работающее «со сдвигом по фазе». Излишне говорить о том, что ставка на технократию в гуманитарных и социальных науках губительна. Она неизбежно приведет к нарастанию социальной аномии, распаду институтов и острым социальным конфликтам по первому подвернувшемуся поводу (этническому, экономическому и т.д.). Чтобы это предсказать, не нужно и Европейского Университета...

Теперь к текущей ситуации. Европейский университет, как анклав, не контролирующийся полностью ни российским государством, ни Западом, был, несмотря на свою элитистско-экспертную направленность, зоной автономии для Петербурга и для всей России. Об университете ходили легенды, его упоминал Пелевин он был «модным» местом для молодежи. Здесь проходили конференции, презентации, семинары, объединявшие передовых, неформально и творчески настроенных людей из интеллигенции, студенчества и других социальных слоев. Университет, с одной стороны, позволял жить в России (пускай на зарплату в 5 раз ниже, чем западная) интеллектуалам, делающим международную научную карьеру, стимулировал к такой карьере все научное и студенческое сообщество. А с другой, он был важнейшим центром социальной мобильности для небогатых студентов из регионов. То есть удар нанесен, с одной стороны, по интеллектуальной элите, патристически мирящейся со скромным достатком, а с другой, по бедным ребятам из регионов, которые поставили себе в жизни высокие цели. Государство, по сути, устроило локаут против неудобных. Итак, нанесен удар по интеллигенции и студенчеству страны, удар, который является сигналом к подчинению: за ним последует более широкая волна Gleichschaltung, выстраивания, научных и образовательных учреждений. Поэтому группа «Что делать» призывает своих читателей протестовать, оказывать гражданское сопротивление подобным мерам. Пусть у нас мало сил, но их будет становиться все больше по мере дальнейшего остервенения и поглупления властей.

ДСПА | Кто мы? Здесь мы!

Движение сопротивления имени Петра Алексеева, наверное, причиняет немало головной боли всякого рода аналитикам. Кто мы? На нас нельзя повесить ярлык анархистов, троцкистов, маоистов, сталинистов и – успокоиться, мол, дали определение. Для анархистов мы – троцкисты, для троцкистов и сталинистов – мы анархисты. Но на самом деле мы не то, ни другое, ни третье... Мы – ДСПА.

Для начала отметим, чем ДСПА не является.

ДСПА это – не люди, которые время от времени собираются вместе, чтобы помечтать о социалистической революции и своей роли в этом замечательном процессе.

ДСПА это – не группа, которая занимается изданием и распространением газеты, где выражена единственно верная революционная линия.

ДСПА это – не служба спасения, без которой не обходится ни одна локальная акция протеста.

Суть ДСПА выражена в самом его названии.

Это – движение, а не партия. Мы движемся, и каждый желающий может запрыгнуть в наш бронепоезд, как и каждый уставший в дороге может легко соскочить, а потом запрыгнуть обратно, если, конечно, успеет.

Наш принцип – сопротивление. Понятие «сопротивление» шире понятия «революционная борьба», а тем более – «борьба классовая». Революционная классовая борьба, на наш взгляд, – высшая форма социального сопротивления, однако есть и другие формы, например, – гражданское сопротивление. Мы всегда были и будем с теми, кто борется против несправедливости здесь и сейчас.

Мы взяли имя Петра Алексеева потому, что его личность – знаковая. Петр Алексеев это – простой рабочий, который дошел до идеи социализма своим умом: он стал социалистом стихийно, спонтанно. Мы убеждены, что поиск правды и справедливости рано или поздно доведет человека к принятию идей социализма.

Петр Алексеев это – агитатор и пропагандист, который находился в гуще рабочего люда, а не в кабинете, он разговаривал с рабочими, а не болтал о социализме в салонах. Мы тоже предпочитаем действовать, а не болтать.

Петр Алексеев это – человек, которого уважают все социалисты, а значит, это фигура, которая объединяет социализм, а не раскалывает его. Мы – за сближение разных направлений социализма, за всестороннее и демократическое обсуждение социалистической программы.

Для нас очевидно, что мир от капитализма и буржуазного правления избавит не горстка героев, а массовое интернациональное движение сопротивления. Горстке борцов, конечно, по силам обрушить лавину. Но для того, чтобы спровоцировать сход лавины, нужно находиться в лавиноопасной зоне, нужен снег, в пустыне это сделать никак не получится. Что делать, если везде тишь да гладь? Глупо отрицать тот факт, что в России самый главный враг активистов – не полицейская репрессивная машина (на самом деле эта машина ржавая, неповоротливая, что удалось доказать в ходе первого Марша несогласных в Питере), а безразличие населения к своей собственной судьбе и судьбе своей страны.

«Кидая бомбы в аппарат насилия, мы врваемся в сознание масс!» – это изречение легендарной немки Ульрики Майнхофф знает каждый левый ультра. Без сомнения, взрывы и выстрелы – это такие явления, которые нельзя не заметить, даже если ты – глухой обыватель. Но единственный ли это путь в массовое сознание? Что делать тем активистам, которые кидать бомбы не готовы или не хотят?

Мы выбрали путь ненасильственного прямого действия. Каждая наша акция – вспышка, призванная высветить для населения важный вопрос. Проще говоря, проводя акции, мы пытаемся привлечь внимание людей к злободневным проблемам. Время от времени о нас пишут СМИ. Однако сейчас, когда любой человек легко может выкладывать информацию в LJ или других коммуникационных сетях, не нужно налаживать со СМИ «особые отношения», как это делали нацболы в 90-е годы. В наше время охочие до новостей граждане больше доверяют информации из блогосферы, чем из подконтрольных власти газет или ТВ.

Главный принцип акций ДСПА – никакого героизма. То, что делаем мы, может сделать каждый. Чтобы вывесить баннер в людном месте, обратиться к людям с речью, пока те стоят на автобусной остановке, оставить граффити на стене, героем быть вовсе не обязательно. Единственно, на что от нас требуется – это победить в себе лень и включить мозги, чтобы наши акции были артистичными, креативными и яркими. Мы стараемся.

Проводя акции, мы не забываем о других формах работы с населением. Время от времени очаги сопротивления появляются, и активисты ДСПА делают все, чтобы эти очаги не погасли. Наши товарищи помогали бастующим докерам, почтовикам, рабочим завода Форда. Когда вся страна покрывается очагами сопротивления, мы забудем об акциях прямого действия. А пока очагов сопротивления мало, мы будем проводить акции, чтобы они – очаги – скорей переросли в пожар.

Павел Арсеньев | Обезвреженное сообщество

Современное российское студенчество совершенно лишилось той социальной и символической роли, которую оно играло в российском обществе еще сто лет назад.

В начале XX века российский университет являлся одной из форм автономии, где сама структурная традиция (общности и солидарности студенческого сообщества) являлась инкубатором эгалитарного и протестного сознания. Несмотря на допускаемый (или даже поощряемый) индивидуализм мнений, сообщество выступало относительно гомогенным в практиках. Идентичность студента как бы заслоняла иные (в первую очередь сословную). Доминировал дух солидарности и гордости принадлежностью к сообществу, кроме всего прочего утверждавшего принцип прямой демократии в качестве базового постулата студенческой жизни. Отсюда не только миф «демократического студенчества» (как бы авангарда демократической интеллигенции дореволюционной России), но и действительная причастность радикальных представителей студенчества к левому флангу.

Сегодня же «естественные права» студенчества – на общность и оппозиционность – не только не эксплицируются, но уже и не ощущаются как таковые. Отсутствие коллективной студенческой идентичности оборачивается дискредитацией самого статуса студента и как следствие стремительной потерей социального значения сообщества. В момент репрессии притязаний принцип безусловной солидарности (образца начала века) больше не обнаруживаем, и преобладает – в случае наличия вообще – самосознание индивидуального проекта, выражающегося, как правило, в стремлении к экономическому встраиванию. Пресечение традиции общности, еще проявлявшейся в среднесоветские времена, делает невозможным объективацию и другой базовой ценности студенчества – оппозиционной настроенности по отношению к господствующим дискурсам и практикам. И уж тем более речь не идет о распространении протестного сознания на «большое» социальное пространство. Речь идет исключительно о размене этого потенциала на рекламные мифы о молодежи.

Современный студент в случае пробуждения критического сознания не мыслит поле университета как адекватное ни самоосуществлению (1), ни самоуправлению (2) пространство, и находит иные общественные площадки для активистской деятельности. Тем самым студенческие практики оказываются радикально фальсифицированными, а поле университета – оставленным. Однако свято место пусто не бывает, и поле, выветрившее общность, незамедлительно поглощается капиталом, что подрывает не только проект сообщества, но уничтожает предпосылки даже для индивидуального познания. Сегодняшняя система университетского образования помимо коррумпированности (3) о которой известно каждому, но почему-то не всем, фундаментально определена логикой воспроизводства лояльных капиталистическому производству кадров, которых в лучшем случае можно назвать специалистами в принудительно ограниченной сфере. Там, где подобному индивиду больше не полагается ничего понимать и узнавать самому, его неведение официально закрепляет эксперт из другой сферы. Каждый занимается надувательством остальных в четко очерченной рыночной сфере. Невежество, которое производится уже в университетах, разумеется, определено задачей его эксплуатации. Студенчество, таким образом, становится первичной стадией репрессивной социализации, подготавливающей индивидуума для дальнейшего отчуждения в профессиональном бытовании.

Студенческое сообщество предстает перед нами сегодня в полностью «стерилизованном» виде; у современного студенчества нет возможности ни сформировать и проявить групповое самосознание, ни тем более политизировать свою идентичность в ходе возрастающей дискриминации (бюджетников в особенности) со стороны неуклонно коррумпирующейся администрации и агентов протестированного знания, пока оно не осознает себя как сообщество угнетенное и, потому, обладающее обширным ресурсом протеста.

Ссылки даны на ответы, полученные от студентов петербургских вузов в ходе опроса при подготовке статьи.

1. «...массивная лекционная антибиотическая терапия без всякого сомнения убила бы во мне всю микрофауну, из которой может произрастать моя текстопроизводственная деятельность.» А.С. - СПбГУ
2. «Непонятна и роль профсоюзов, которые занимаются лишь тем, что организуют летний отдых для самих себя.» А.Ш. – ИНЖЭКОН
3. «За каждый несданный экзамен преподаватель Коновалов (старший) требовал 5000 рублей, плюс за отметку по его экзаменам ещё по 2800.» Л.З. - СПбГУКИТ

акция ДСПА

Олег Журавлев, Данаил Кондов | К истории противостояния на Социологического Факультета МГУ

Научное знание в области социальных дисциплин не может не быть критическим. В первую очередь потому, что гарантировать объективность описания мира может непроницаемость научного дискурса для классификаций здравого смысла, то есть – политических классификаций. Что может сделать эту непроницаемость возможной? Каким образом можно избежать подмены научной рациональности политической доксой? Необходимы определенные социальные условия, в рамках которых производится научное знание об обществе – институты, автономная по отношению к политической конъюнктуре и требованиям рынка.

Протестная инициатива OD Group, объединившая студентов соцфака МГУ, заинтересованных в повышении качества образования, и гражданских и политических активистов, выступивших с критикой авторитарного порядка на факультете, сделала явным определенное «семейное сходство» между ними. Общим для требований «академических свобод», защиты социальных прав студентов (и преподавателей), создания независимого профсоюза и повышения качества образования является движение в сторону большей автономии образовательной институции.

Нас решительно не устраивало то, как преподают социологию на социологическом факультете МГУ. Альтернативным источником образования стал непрерывный исследовательский семинар по социологии Александра Бикбова и Станислава Гавриленко. Мы противопоставляли высокий интеллектуальный уровень семинара, вскоре превратившегося в исследовательскую группу НОРИ, убогому состоянию науки на факультете (вернее, почти полному ее отсутствию). И, вместе с тем, критическую силу рефлексивной социологии – тупому воспроизведению политических штампов на факультетских лекциях и семинарах, где от имени науки утверждалась необходимость разработки национальной идеологии, отмены моратория на смертную казнь или введения однопартийной системы. Однако никто из нас до определенного момента не думал всерьез об организованном публичном выступлении против низкого качества образования. Как получилось, что мы вошли в состав протестной группы?

Обращаясь к критической теории, занимаясь исследовательской практикой, мы неразрывно связывали знание, получаемое студентами на соцфаке, с социальными условиями его производства. С порядком образовательной институции, где набор студентов и преподавателей, работа кафедр и открытие новых отделений подчинены логике денежной прибыли, а ультраправая риторика декана, проникающая в лекции и литературу и подкрепляемая научным статусом МГУ, становится идеологическим обоснованием авторитарного порядка, выстроенного на факультете. Осознание того, что низкий образовательный уровень невозможно повысить за счет простой замены учебных планов или с помощью иных административных процедур, уверенность в необходимости радикального изменения институциональных условий производства социологического знания позволили нам объединиться с политическими (социалистическое движение «Вперед») и гражданскими (правозащитные движения «Гроза» и Молодежное правозащитное движение (МПД)) активистами, для которых авторитарный порядок управления и коммерциализация образования на факультете стали объектом критики и политического действия.

Такого рода альянс, предоставляя определенные преимущества, неизбежно порождал напряжения между разными группами, что явилось результатом разнородности тех условий, в которых действовали каждая из них отдельно. Каждая группа смогла привнести в OD свои специфические ресурсы и навыки, что позволило сделать выступление студентов медийным событием и сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Гражданские активисты положили начало инициативе требованием открыть на факультете недорогую столовую, вместо кафе с ресторанными ценами, а неадекватная реакция деканата, вызвавшего милицию, сделала этот, в общем периферийный, инцидент (раздача листовок на входе) новостным событием. Именно в этот момент мы подключились к инициативе, в конечном счете, превратив ее в образовательную. Мы сделали основным требованием повышение качества образования и смогли получить массу откликов от российских и зарубежных социологов, придав инициативе легитимность в глазах ректората и широкой общественности. На этом же этапе к инициативе присоединились активисты из «Вперед» и других левых организаций, которые участвовали в ряде акций и помогали в их организации. В рамках краткосрочной перспективы реактивного противостояния действиям администрации такая разнородность участников оказалась продуктивной, обеспечив одновременно такие различные ресурсы, как навыки активистов в построении и освещении в медиа уличных акций, контакты с журналистами и связи с академическим сообществом (не только российским), позволившие инициировать ряд действий административного характера (например, экспертную группу при Общественной палате). Однако как только был поставлен вопрос о более длительной перспективе для OD Group, у этой разнородности появились издержки.

Принципиальные противоречия во взглядах на смысл, задачи

и тактики инициативы были видны уже в самом начале, но в полную силу показали себя лишь со временем. Серии сходств и различий между тремя коллективными участниками OD Group проявились в перманентной дискуссии о способах мобилизации и выборе союзников, о заключении различного рода альянсов и соглашений. Решающим сходством между различными фракциями в OD было то, что все мы занимали подчиненную позицию – в политическом или научном пространстве, а одним из центральных для каждой из групп требованием было студенческое самоуправление. Все участники воспринимали OD как инициативу, борющуюся с административной властью за право заниматься наукой, влияя на образовательную политику, защищать права студентов перед администрацией. Однако специфика деятельности каждой из групп предопределила базовые противоречия внутри OD Group по поводу организации инициативы и способов мобилизации сторонников.

Практически с самого начала инициатива разделилась на две фракции – «научную», представленную нами, и «активистскую», объединившую политических антагонистов – левых и правых активистов. Мы предлагали сделать центральными образовательные требования и налаживали контакты с научным сообществом, в то время как профессиональные активисты настаивали на расширении списка требований и более широком круге партнеров.

По мнению участников движения «Вперед» залогом успеха инициативы должны были стать солидарность и, соответственно, мобилизация самого широкого круга студентов. Проблемы соцфака МГУ рассматривались ими как частный случай общих проблем российского образования: «С деканом Добренковым бороться трудно именно потому, что он не уродливое исключение, а утриванное правило ... проблемы соцфака не исключительны, OD может обращаться за поддержкой к студентам ... других факультетов и ВУЗов. Солидарность – это отнюдь не беспредметный альтруизм. Она основывается на общем деле». Левые активисты предлагали выступить с позитивной образовательной программой для всех факультетов и вузов: «OD необходимо выдвинуть программу позитивных преобразований, разработанную на материале соцфака, но адаптируемую и к другим факультетам и ВУЗам. OD нужно ясно заявить, что соцфакская группа – это лишь часть зарождающегося межвузовского движения, которое будет бороться за переустройство системы образования в РФ на предлагаемых нами принципах». В отличие от нас, активисты из «Вперед», также занимающиеся наукой (в том числе, в университете), не рассматривали образовательные проблемы в контексте социального неравенства, властных отношений в самом университете (или академическом сообществе). В то время как с нашей точки зрения низкое качество образования, как и невозможность мобилизации «всех студентов», ставшая очевидной достаточно быстро, были, прежде всего, связаны с организацией профессиональной / университетской жизни, например, - структурой разделения труда в университете.

В МГУ, как и во многих других вузах, существуют «сильные» и «слабые» факультеты. Первые зарабатывают для университета престиж, славное имя в международном и российском научном сообществе, вторые – деньги. Социологический факультет является одним из самых «слабых» факультетов, а социология занимает одну из низших ступеней в иерархии научных дисциплин. Социологическая наука в России, но еще больше – социологическое образование - во многом фиктивны. Неудивительно, что ощущение превосходства над общественными дисциплинами прочно вписано в образовательную траекторию студента-физика, математика или химика, который с первых курсов знает о том, что «социология» - не наука или «лженаука», и убеждается в этом на практике, поскольку вынужден прослушать обязательный университетский курс, читаемый, как правило, социологами из МГУ. Поддержать интеллектуальный протест на социологическом факультете для большинства студентов немислимо, так как никакой интеллектуальной жизни на соцфаке по определению нет и быть не может. Поддержка инициативы по политическим соображениям, из солидарности, также маловероятна: протест против низкого качества образования предполагает выступление против руководства университета. Однако именно это руководство, за счет безразличия и исключительно меркантильного отношения к таким факультетам, как социологический, поддерживает систему неравенства, обеспечивая математикам или биологам возможность заниматься наукой и занимать привилегированную позицию в университете. Разумеется, на коллег по общественным дисциплинам, в том числе, на большинство сокурсников, мы также рассчитывать не могли: такие факультеты, как соцфак набирают студентов, незаинтересованных в образовании. Социологический факультет представляет собой своеобразную фабрику по продаже плохих (но освященных престижем МГУ) учебников и таких же дипломов, где студенты, вынужденные в ожидании университетских «корочек» читать эти учебники, являются одним из источников прибыли. В условиях этого неравенства именно повышение качества образования на факультете и изменение ситуации в профессии могло бы повысить шансы на студенческую солидарность.

Размежевание между нами и политическими активистами было

связано с определенным парадоксом: политизация в России, в отличие от западных стран (помните, «personal is the political»?), работает скорее на оппонентов протестной инициативы. Политические обвинения (в «экстремизме», «отработке на факультете технологий цветных революций») оказались практически единственными аргументами против претензий к некомпетентной администрации факультета. Встраивая инициативу в уже существующий баланс сил, определяя ее как одну из сторон в политической борьбе, политизация делает практически неразрешимыми непосредственные цели протестантов - изменения на факультете. Описывая себя в терминах идеологических предпочтений («патриотической научной элиты России» - в противовес «либеральным фундаменталистам»), администрация факультета переводит спор в тот регистр, где решение конфликта связано с изменением сил между большими политическими игроками – изменением, ритм которого гораздо медленнее, чем жизнь образовательной институции и практически не зависит от усилий активистов. В то же время политическое самоопределение, прежде всего для левого крыла OD, была естественным ходом, поскольку они органически существуют в рамках политического пространства.

Несмотря на сходные с левыми политические предпочтения, в конечном итоге, нам было легче найти общий язык с гражданскими либеральными активистами. Почему?

Ответ, возможно, лежит в плоскости специфики гражданского и политического активизма. Гражданские активисты, которые положили начало инициативе, работают скорее в логике индивидуального политического проекта, когда именно они (их имя собственное) оказываются инструментом накопления политического капитала известности и признания. МПД (в котором участвуют практически все из гражданских активистов, вступивших в OD), с соответствующим «глобальным» проектом - «разрушение авторитаризма «кирпич за кирпичом» - выполняет скорее функции координации, чем контроля и руководства (об этом можно судить по формам самопредставления активистов, где они описывают себя, прежде всего, через ряд проектов, инициаторами которых они были). Это сетевая структура, которая противостоит по замыслу классической партии. Гражданские активисты вообще подчеркивают свое негативное отношение к политике в классическом смысле слова как борьбе за (государственную) власть: «Я лично против того, чтобы OD участвовало в каких-либо уличных акциях совместно с другими силами, будь то либеральными, левыми, анархистскими или прокремлевскими». В свою очередь, левые политические активисты из «Вперед» работают на организацию в целом, которая является протопартией, рассчитанной на гипотетическую революционную ситуацию в будущем. Иными словами, «производственный цикл» этих политических предприятий неодинаков: время, в котором существуют гражданские инициативы гораздо короче времени революционного проекта движения «Вперед». В рамках последнего все события и инициативы жестко встраиваются в долгосрочную перспективу «борьбы класса против класса». В случае же гражданских инициатив краткосрочные цели являются приоритетными – именно поэтому они, в конечном итоге, оказались для нас более подходящими партнерами, чем идейно близкие левые. Ведь для нас, как и для «впередовцев» OD Group – долгосрочный проект борьбы. Только за профессионализацию социологии в России. Будучи носителями избыточной профессиональной компетенции по отношению к факультету, мы боремся за признание легитимности занимаемой нами позиции в научном пространстве. По сути, требование повышения качества образования (и шире – профессионализации дисциплины) является также и способом заставить признать ценность собственной компетенции, повысить рентабельность собственных капиталов и инвестиций. Требовать большей профессиональности от преподавателя – значит требовать признания тех, кто обладает большей профессиональной компетенцией (в качестве ученого в нашем случае). Требование создать условия для научной деятельности на факультете, например, открыть исследовательские лаборатории – это попытка найти свое место в институции, которая, несмотря на то, что формально признана «научной», по факту такой не является. Однако в рамках политических схем восприятия и оценивания эти профессиональные стратегии прочитываются как «незаинтересованные» и, одновременно, не представляющие интереса.

В итоге гражданские активисты оказались более восприимчивыми к предложенным нами способам мобилизации союзников и организации группы. А именно – к поиску студенческих инициатив, для которых борьба с административным порядком образовательной институции неотделима от профессиональной деятельности. Такие инициативы, не выступающие с общими для всех студентов требованиями и не встроенные в единую политическую или профсоюзную организацию, могли бы организовать солидарную сетевую структуру. Одна из таких протестных групп, организованная студентами биологического факультета МГУ – «За гуманное образование» - недавно провела вместе с нами акцию солидарности. Возможно, именно такая форма сотрудничества сможет положить начало созданию независимого студенческого движения.

Открытое письмо Алену Бадью и его отказ от приезда по приглашению фонда Павловского

From: chtodelat <info@chtodelat.org>
Date: Mon, 01 Feb 2008 12:50:32
To: <abadiou>
Subject: Lettre des activistes russes concernant votre prochaine visite en Russie

Дорогой товарищ Бадью!

Мы – российские активисты и левые интеллектуалы. Мы знаем и ценим Вас как философа и интеллектуала, который не сдается перед лицом текущей неоконсервативской реакции. В Ваших публичных высказываниях Вы много раз выражали Вашу приверженность великому освободительному движению современности, частью которого считаем себя и мы. Мы, в частности, высоко оценили Вашу последнюю книгу «Именем чего является «Саркози?»», посвященную реакционному движению в современном мире. Ваша философская и политическая программа привлекательна для многих местных активистов и различных групп, которые в остальном находятся в постоянной полемике друг с другом.

В то же время, до нашего внимания дошло сообщение, что фонд Глеба Павловского («Русский институт» является его подразделением) пригласил Вас посетить Москву в апреле этого года. Эта новость удивила тех, кто знает и ценит Вашу работу и Вашу политическую позицию. Мы долго мечтали о Вашем визите к нам. Но визит в таком контексте это хуже, чем ничего. Он скомпрометирует Вас и нас, Ваших читателей и сторонников.

Проблема заключается в личности г. Павловского, который не только является одним из главных идеологов путинской группы, но также циничным «политическим технологом», который много раз менял свою политическую ориентацию в течение 1990х годов, а теперь выбрал для себя ультра-правую версию националистического и империалистического консерватизма и работает на создание культа личности Путина. Вы можете спросить, почему же он решил Вас пригласить. Но ответ очевиден: российский режим решил выработать, на идеологическом уровне, новое анти-западничество на основе русского национализма. Это частично объясняется реальным империалистическим давлением, оказываемым на Россию со стороны США и ЕС, а частично – неудобством, которое для режима представляют либеральные требования соблюдать права человека и вообще право. Поэтому Путин и его идеологи объективно заинтересованы в привлечении западных оппозиционных интеллектуалов, чтобы создать международный фронт в свою поддержку. В то же время, надо понимать, что Путин – это не Чавес. В отличие последнего, Путин и его идеологи систематически опираются на правые ценности: нация, порядок, страх революций, православная религия, антимодернизм в культуре и т.д.

Павловский – один из самых заметных интеллектуалов, которые в 1990е годы выбрали карьеру «политтехнолога». В ситуации кризиса университетов, идеологического вакуума, наступившего после дискредитации марксизма, многие представители интеллигенции решили заниматься платным пиаром, мотивируя это неким размытым постмодернизмом и социальным конструктивизмом – мол, любые значения производятся искусственно.

Павловский, который был диссидентом в советское время и активным либералом во время Перестройки, стал с 1996 г. основным получателем идеологических заказов из Кремля. Но в 2000е годы он стал еще сильнее, когда его фонд, «Фонд эффективной политики», занялся пропагандой и информационной поддержкой путинской администрации. Именно этот фонд разработал основные идеологемы режима («стабильность», «путинское большинство», «наши» и др.). Если в 1990х Павловский оправдывал себя в упомянутом постмодернистском духе, в 2000е он открыто стал коллаборационистом, бизнесменом от пропаганды, эксплуатируя низкий социальный и экономический статус современных российских интеллектуалов и превращая их в циничных слуг власти. В настоящее время Павловский ведет по телевидению программу «Реальная политика», где пропагандирует крайнее

антизападничество и культ личности Путина. Он также управляет издательством «Европа», в котором, в частности, вышла серия книг, развенчивающих идею и феномен революции. Недавно Павловский организовал крутой стол «Враги Путина» - фарс, который открыто отсылал к сталинским процессам.

Дорогой товарищ Бадью! У нас нет сомнений в том, что Ваш визит будет использован Павловским в целях легитимации Кремля, который стремится, без большого успеха, завоевать интеллектуальную гегемонию. Весной 2007 г. фонд Павловского пригласил в Москву Славоя Жижека. Возможно, этот левый мыслитель не знал заранее, в каком контексте будет выступать. Однако на деле он участвовал в семинаре под названием «Пределы демократии», за одним столом с придворным «политологом» Сергеем Марковым, комментирующим по телевидению мудрость решений Путина, и самим Павловским, который не верит ни одному слову, которое сам говорит. Павловский и Марков объяснили необходимость «ограничивать» демократию, в смысле «управляемой демократии» Путина. Это напомнило плохую комедию, и навсегда дискредитировало Жижека в глазах российских интеллектуалов (левых или либеральных взглядов). В случае Вашего визита, этот контекст помешает любым Вашим попыткам полемики и дискуссии со взглядами приглашающей стороны.

Мы не хотим сказать, что Россия навсегда потеряна, или неинтересна. Российское общество по-прежнему - живое, анархическое, критичное, высокообразованное, интеллектуально жадное. В нем есть воля к преобразованию и сознание необходимости борьбы. В настоящее время существует растущая сеть групп и организаций, которая оформится, мы надеемся, в новое коммунистическое, анти-неолиберальное движение. Для этого необходимо и международное сотрудничество. В частности, мы ориентируемся на Ваши идеи, чей универсализм импонирует нам, в нашей ситуации полу-периферии. Мы хотим побеседовать с Вами. Но Ваш визит к Павловскому разочарует многих активистов. Мы просим Вас, поэтому, еще раз взвесить Ваше решение.

Это тем более важно, поскольку не так трудно найти возможность пригласить Вас в Петербург, а оттуда в Москву, используя другие, более обычные каналы, официальные институции, не имеющие проблем с репутацией, и организовать серьезные, содержательные беседы о философии и политике.

Примите наши уверения в уважении и восхищении, которые мы к Вам испытываем.

Платформа «Что делать»
Социалистическая группа «Вперед»
Движение Сопrotивления Имени Петра Алексеева
Карин Клеман (Институт «Коллективное действие»).

From: <abadiou...>
Date: Mon, 04 Feb 2008 16:42:47 +0100
To: chtodelat <info@chtodelat.org>
Subject: Re: Lettre des activistes russes concernant votre prochaine visite en Russie

Дорогие товарищи,
Я благодарю Вас за Ваше серьезное и аргументированное предостережение. Я только что вернулся из Греции, и должен рассмотреть Ваши аргументы более подробно. Они уже кажутся мне очень сильными. Я сообщу Вам свое решение в ближайшие дни. Если Вы считаете, что есть реальная возможность приехать в Ленинград, то мы можем пойти этим путем. Спасибо еще раз за Вашу бдительность. Я очень хочу поговорить с прогрессивными активистами России, и, будьте уверены, не хочу служить интересам Путина!
Братски,
Ален Бадью

В последнем письме от 17.02.2008 Ален Бадью сообщил о своем отказе от визита в Москву по приглашению Павловского и планирует приехать в Россию весной 2009года.

Александр Бикбов и Дмитрий Виленский О Критике и Практике

АБ: Особенность твоей и моей позиции – это использование критики как профессионального инструмента создания новых форм знания. Но использовать критику как полноценный профессиональный ресурс невозможно в индивидуальном порядке - по крайней мере достаточно долго. Критика действительно работает, когда ею владеет коллектив. Это становится ясно при взгляде на группу “Что делать?”, в которую собрались художники, поэты, философы, критически мыслящие, но не имевшие, до создания группы, общей позиции. То же самое произошло с семинаром для интеллектуально настроенных студентов-социологов, который начинался как мастерская по освоению критической социальной теории и который, чем дальше, тем больше, требовал более сильной и сплоченной организации. Поэтому несколько лет назад я превратил семинар в исследовательскую группу НОРИ (Неофициальное объединение работающих исследователей), участником которой не просто обсуждают тексты, но ведут исследования, пользуясь общим критическим методом. Перевод работы в практический и коллективный режим снял страх перед активным действием: участники НОРИ естественно включились в борьбу против интеллектуальной коррупции на социологическом факультете МГУ, сплоченно войдя в протестную студенческую инициативу OD group. Формула готовности к борьбе, на деле, далека от мистики: стартовые интеллектуальные амбиции + наличие опытного посредника и организатора + регулярные встречи и обмены + формирование общей критической компетентности + коллективно разделяемый метод работы. Насколько от нее отличается формула “Что делать”?

ДВ: Формула Что делать? хороший вопрос. Не думаю, что он так прост. Во первых это, мне кажется, разнообразие опыта и распределение критической работы в коллективе. “Что делать?” не распалась в первые год-два, как много других интересных начинаний, прежде всего потому, что нам удалось естественно сохранить свое разнообразие - то есть раскрыть уникальность каждого. К сожалению, это возможно, скорее в группах профессионалов из разных областей. Если бы это была группа из десяти питерских художников или десяти философов, все бы уже давно рассорились и разбежались. А у нас четыре художника, три философа, два критика и т.д., и из разных мест, в том числе не из Москвы, что задает иные пространственные связи. Также важно, что мы однозначно позиционируемся как феминистическая группа, во многом благодаря нашим девушкам, конечно же. Но в целом, я думаю, что и мы – мужчины, достаточно органично впитали опыт феминизма и эта “феминность” сегодня оказывается “сильнее” традиционных мачистских групп, которые, в конце концов, оказываются в состоянии тупой войны лидеров и всех со всеми. Также, я думаю, важен поколенческий синтез. В группе представлены два поколения - сорокалетних и тридцатилетних - то есть людей с разными историческими опытами и опытами повседневности, и это тоже является серьезным ресурсом взаимобмена. Важно также коснуться разнообразия тактик работы: с одной стороны нам близки методы “исхода” - неучастия в множестве слабоумных, безответственных, сервильных как по отношению к рынку, так и власти (что в России одно и то же), с другой стороны мы не фанатики-пуристы-аутсайдеры, боящиеся прикоснуться ко всему, что воняет как “власть”.

Я вижу нашу стратегию как утверждение своих зон работы, где группа оказывается в большой степени независима - с точки зрения средств производства - от системы, и уже из этой позиции ведет жесткий переговорный процесс с институциями, находясь на позиции вне контроля власти. Именно здесь и начинается политика, как позиционирование сил и процесс переговоров, заменяющих военные действия (помнишь у Фуко это здорово описано). То есть важно в одном жесте всякий раз совмещать жесткое размежевание и призыв к солидарности. Скажем, мы каждый раз говорим: вы не хотите нас выставлять, печатать наши тексты? Нет проблем, мы найдем ресурсы и сделаем это сами. Более того, мы сделаем это лучше и с большим резонансом, и в какой-то момент вы уже не можете - как бы вы не ненавидели то, что мы делаем - игнорировать наше присутствие.

Совершенно согласен с тобой, что критическое знание невозможно разрабатывать в одиночку. Это дело коллективное, прежде всего, потому что критическое знание, для меня неизбежно должно обладать фундаментальным качеством, а именно апелляцией к истине. И это уже вопрос политический и, конечно же, связан с коллективными формами позиционирования в публичном пространстве. Не вдаваясь здесь в более развернутое рассуждение о том, что же такое истина, стоит только заметить, что только коллектив, пусть и небольшой имеет признанное право (этим он и опасен) встать и заявить: что твориться - это неправда. Они имеют право, даже находясь в явном меньшинстве, требовать изменения ситуации и на уровне интерпретаций, и на уровне действия. То есть коллектив способен производить знание о другом возможном устройстве вещей, которое пусть и не обладает абсолютной истинностью, но является теми самыми “клещами истины”, о которых так здорово писал Бадью.

А каково твое определение критики? Насколько для тебя понятие критики как базовой процедуры неотделимо от установления истины?

АБ: Для меня, как социолога, единственное определение критики вне подозрения (т.е. критики, которая дает освободительный эффект) - это наиболее точное описание условий неравенства, несвободы, но также условий мышления и действия. Если описание точно, эффект освобождения происходит за счет осознания необходимости. Исторически наиболее заметный пример такой критики - марксистский анализ эксплуатации, который оказался силен вовсе не своей “теорией”, а удачным описанием условий трудовой несвободы. Это невеселое знание, переработанное коллективно, стало основой для организаций противодействия неравенствам, таких как европейские рабочие и анархистские профсоюзы, ассоциации наемных работников, а в последние годы, в новых условиях, сплотило в реальную политическую силу французских безработных и социально незащищенных. Более локальные примеры такой критики - это ряд социологических исследований 1950-80-х годов во Франции, в США о механизмах власти и признания, которые проясняют, как и почему в профессиональных, социальных, гендерных взаимодействиях одни с большей вероятностью побеждают, а другие проигрывают. В частности, социологическая работа Бурдьё — это, прежде всего, эмпирическая критика социальных условий неравенства. Такое знание вдвойне обременительно для проигравших: в этом смысле, истина, установленная критически, ни для кого не безобидна. Но только эти болезненные опыты открывают проигравшим потенциал свободы.

Вопрос в том, что может нарушить привычное восприятие порядка и успешно пользоваться критикой в российских условиях сегодня? Мы находимся в системе отсчета, где подобострастие перед начальством, превосходство мужчин над женщинами, этническая однородность, презрение к политике - это даже не фигуры мысли, а социальные привычки. В большинстве случаев в этой системе критика подобных очевидностей представляется опасным нарушением. Но в каких-то ситуациях, в какой-то момент, наоборот, становится вполне естественной. Что для тебя произошло между этими моментами “ничего” и “все”? Какой опыт был решающим в твоём профессиональном и интеллектуальном самоопределении?

ДВ: Что касается моей личной предыстории, то я помню, что в какой-то определенный момент на меня накатило все убожество нашей российской профессиональной ситуации. Я не думаю, что для этого надо обладать каким-то особым сознанием или способностями, или чтобы у тебя шли дела совсем плохо (у меня скорее все шло вполне удачно) – скорее это происходило вначале на некотором соматическом уровне, и тут опыт питерской богемы, с ее презрительным дистанцированием от институтов власти и денег, а также мой опыт жизни на Западе - работы в некоммерческих социал-демократических НПО - позволил мне сохранить этот минимально необходимый этический градус недовольства... Собственно, не так уж сложно увидеть, что большинство ресурсов находится в руках людей, которым уже давно наплевать и на искусство, и на культуру, и на историю. Важно захватить побольше здесь и сейчас или же сладострастно проявить свое бессмысленное господство. Разве не видно, что целые отделы музеев, типа Современного Искусства в Русском Музее превращаются в подобие сервисных центров, основанных на преискусстве услуг, а ведущий музей мира Эрмитаж затевает более чем сомнительное сотрудничество с наиболее одиозным музеем Гуггенхаймом (гуггенхаймизацией называют примерно тоже что и макдонализацию – предельно глобалистское, пластиково-гламурное отношение к культуре, подрыв самых основ искусства 20ого века) или же раскручивают акции

художников от Саатчи (или же других частных дилеров), заинтересованных в конвертировании символического капитала Эрмитажа в реальные продажи. И подобные позорные бизнес-проекты нам в Петербурге преподносят как высшее достижения современной культуры!

АБ: И, все же, чтобы ясно видеть эти фатальные сбои, нужно переместиться из узкого круга домашних истин, в более широкий и насыщенный горизонт. Упомянув о своем европейском опыте, ты обозначил ключевой пункт. Критическая и одновременно профессиональная работа не может быть сугубо локальным, доморожденным проектом. В российских условиях ориентация на международный контекст, использование европейского опыта критической рефлексии - не просто обязательное условие продуктивной работы, это также естественный разрыв с "державными" взглядами или реакционным критиканством.

ДВ: Задача мне кажется не в ориентации, хотя конечно на уровне привычек и повседневности мы принадлежим к той небольшой, но мне лично очень важной европейски-эмансипатроно ориентированной группе. Наши соотечественники, которые попадают на Запад, очень четко избирают для себя среду обитания - подавляющее большинство оказывается даже не либералами, а архи-консерваторами. А некоторые сразу же находят себя в левой среде. Для меня это как-то оказалось органичным. Еще даже до осознания себя левым мне как-то естественно было тусоваться со всякими симпатичными мне людьми в сквотах, слушать определенный тип протестной музыки, ходить на политические дискуссии. Почему это произошло трудно сказать - может все та же пресловутая присяга верности четвертому сословию, затем цепочка "пробуждений" по Ленину - все это оказалось глубоко в крови и, в конечном счете, сильнее чем диссидентский опыт непринятия коммунизма. Хотя я считаю, что диссидентство и антисоветчина тоже обладали как раз таким имманентным освободительным потенциалом... Мне кажется, Саша, что часть нашей работы может быть описана в старых феминистских терминах как "conscious raising practicies" - практики формирования сознания. Речь идет о критическом осознании положения работника в обществе, с неизбежным выводом, что что-то необходимо менять и что любое положение исторически преходяще. Но как ты оцениваешь эффективность подобной работы в ситуации полнейшей пассивности большинства?

АБ: Действенность интеллектуальной критики в России - серьезный вопрос. И ответ на него часто разочаровывает. Показательно, что, в отличие от европейских коллег, сегодня мы задаемся теми же вопросами, которые были актуальны для российской радикальной мысли в конце XIX века. Это происходит не потому, что до нас "не дошли" более свежие мыслительные приемы. А потому, что вся наша пробужденность и современность снова работает по ту сторону социального разрыва, который надежно защищает круг домашних истин от истины критики. Культура, понятая как творческое переписывание мира, доступна сегодня абсолютному меньшинству, поскольку для большинства уже базовое образование никак не связано с приобретением критических способностей, а только с надеждой "приспособиться". Лишенные многого и, главное, творческой связи с миром, при усиливающемся властным давлением очень редко кричат "баста!" К активному протесту склонны те, кто идет от уже имеющихся завоеваний, те, кто видят в современной науке, актуальном искусстве ресурс для личного освобождения и сами заинтересованы в его освоении. В этом смысле, социал-демократические структуры, традиционные рабочие профсоюзы и европейские левые партии, играют огромную роль именно как гаранты социальных и культурных завоеваний. В свое время для меня было, например, открытием, что во Франции "большие" профсоюзы ведут огромную образовательную работу: внутрпрофсоюзные школы, выездные семинары, вечерние занятия, финансирование исторических и социологических исследований, экскурсии по революционным местам и т.д. Не просто обеспечение уровня зарплат, но критическое образование работников - одна из главных функций традиционного профсоюза. Критика с более радикальных позиций деятельности или базовой идеологии этих организаций зачастую оправдана. Но принципиально то, что в европейском контексте они воплощают неотъемлемый минимум хрупкой и подвижной системы альтернатив, которых нет в российской ситуации.

ДВ: Я хотел бы обратить внимание, что в отличие от традиционных рабочих наша борьба носит принципиально иной характер. Рабочий в форме забастовки может требовать только улучшения своих условия труда, но он не может сказать, например: ваш Форд Фиеста полное говно, я не хочу собирать эту машину... Наша ситуация иная. Конечно же, мы можем и должны требовать улучшения наших условия труда (это основа), но главное за что мы боремся - это то что мы говорим: что нам нужно принципиально иное знание, что то знание, которое есть у вас, уже не соответствует задачам, стоящим перед обществом. То есть спор идет о том, чего еще нет, что должно быть помыслено заново - это большая привилегия участвовать в такой форме борьбы - в тоже время огромная ответственность и вызов.

АБ: Твоя формула точно описывает любое интеллектуальное производство, когда критика его оснований - одно из возможных и, в лучшем случае, неотъемлемых условий занятия профессией. Но эта же всегда принципиально открытая возможность заостряет вопрос о ставках собственной работы и борьбы. Я вижу сходство критических линий НОРИ и "Что делать?", в частности, в том, что они обе сосредоточены не на абстрактном изменении общества, а, прежде всего, на изменении профессиональной ситуации. Отчасти естественно, отчасти сознательно мы отказались от попытки представлять и делать счастье каких-то иных социальных сил: рабочего класса, угнетенных, всего социума. Мы боремся в своем поле и, прежде всего, за

актуальные в нем ставки: интеллектуальные, эстетические. Это представляется нам более честной борьбой, но ставит проблему элитизма, помноженную на вопрос об узости круга профессиональных игроков. Мы разрабатываем свой язык, который отличается от вялого и потертого языка профессиональных "шишек" - используя профессиональные ресурсы. Мы идем против конвенций - в своей профессии. Мы создаем альтернативные площадки в поисках настоящего искусства или настоящей науки - стараясь при этом не выпасть за признанные границы искусства или науки. В конечном счете, это может продолжаться сколько-нибудь долго только при условии, что наша критическая позиция вписывается в узкое поле профессиональной автономии. Не шараясь в другую крайность - голубоглазое народничество - каков способ сделать нашу борьбу ресурсом более универсальным?

К этому добавляется еще один важный вопрос - эстетического переписывания социальных проблем, когда эстетизация нейтрализует собственно политическую возможность их решения. Порой инициативы и образцы анализа "Что делать?" оставляют у меня впечатление, что социально острые сюжеты просто используются для поддержания артистического драйва. В европейской ситуации такая эстетизация - одна из успешных стратегий, которая, в свою очередь, подвергается радикальной политической критике и анализу. Но в ситуации российской, где критической рефлексии, равно как самой политики и так мало, не кажется ли тебе, что нужно быть особенно внимательным к нейтрализующим последствиям эстетизации социального?

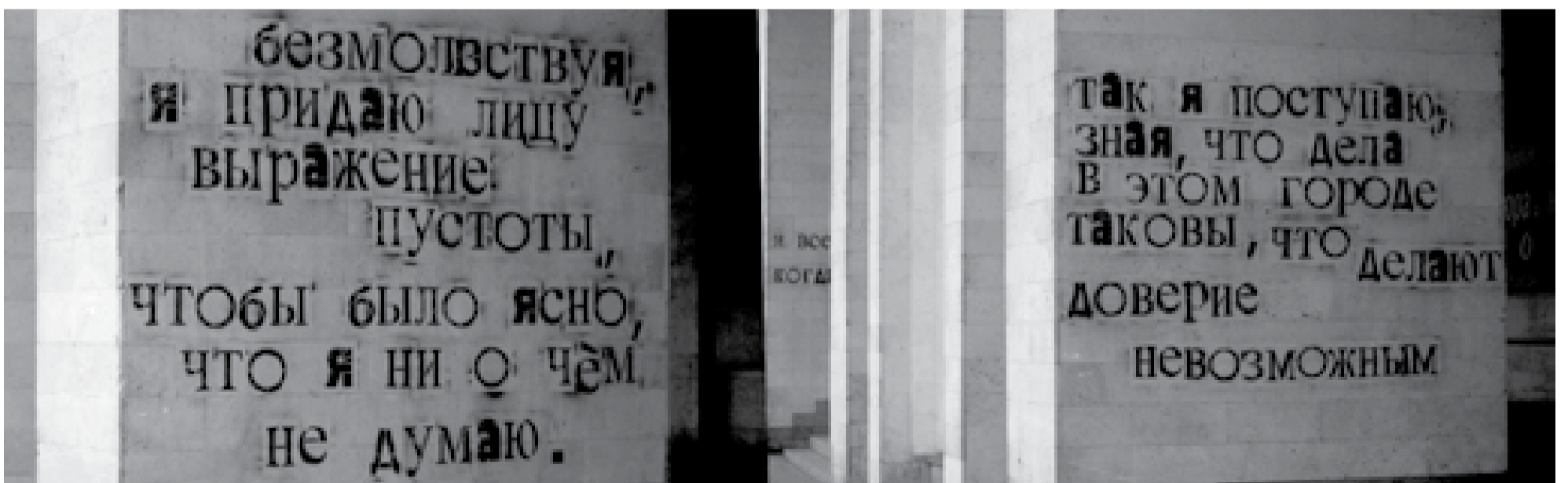
ДВ: Это хороший вопрос для ясного осознания и самокритики. Эстетизация социальных и политических проблем происходит тогда, когда мы просто пытаемся что-то делать на социально-политическую тему. Это вопрос ангажированного, пропагандистского искусства. Оно тоже важно, когда большая часть культуры переродилась в пропаганду перверсий капитала и самых эгоистичных стилей потребительства. Так что, если некоторые творческие люди способны сегодня пропагандировать нечто иное, я не вижу особой проблемы...

Мне же кажется, что наши лучшие работы это не про политику - они стремятся к тому, чтобы быть сделанными политически. Знаменитый призыв авангарда к растворению искусства в жизни и обращении к каждому как соавтору ценен и сегодня - как сохранение горизонта человеческого призвания. Но сегодня очень часто это требование подменяется растворением жизни и активизма в культурных практиках. И это мне кажется сильно ослабляет как силу искусства, так и политики. Поэтому основная задача - это все-таки делать искусство, не убегая от жизни, не прячась за фантазмы своего эго. Одновременно искусство не должно быть формой развлечения господствующего класса (в товарной или зрелищной форме). Нужно погружать искусство в самую гущу социальной жизни и борьбы, искать в ней вдохновения, производить новые формы, которые бы могли «трогать сердце зрителя, не развлекая его в тоже время». То есть нужно делать искусство, которое всем предлагает стать художниками - как единственно правильную форму творческого взаимодействия людей. Для меня производство эстетики - знания, неразрывно связано с его распространением... Мне кажется, что мы не закрываем какие-то пути, мы их отрываем перед каждым, кто готов включиться в эту работу освобождения.

Все это мы пытаемся делать в условиях, когда Академия искусств в России превратилась в помойку, проповедующую под патронажем Церетели оголтелый консерватизм и сервильную модернизацию в одном флаконе. Пока эта академия не будет сметена, Россия будет в жопе, в которой она сейчас и находится, чтобы там не говорили мутин и его команда... Могу сказать с полной уверенностью что наша группа за 5 лет работы произвела больше смыслов и символов в современном искусстве, чем вся российская академия искусств вместе взятая со всей своей машиной. Тут нечем особо гордиться - ибо сегодня академия исторически не производит вообще ничего, и в самых своих возвышенных снах я вижу, как мы пинками выгоняем всех этих позорных блядей из их прекрасных мастерских и "частных" музеев, построенных на ворованные деньги налогоплательщиков. Это же касается и практически всех институций современного искусства, которые оказались полностью дезориентированы в нынешней рыночной ситуации и репрессивного негласного запрета, критически касаться в творчестве всех накопившихся чудовищных проблем российского общества.

АБ: Бодрящие образы. Важно, чтобы освободившиеся мастерские и лаборатории не заполнились наследниками культурной коррупции, такими же стерильными и всевластными, как их крестные отцы. Чтобы не дать им шанса, нужно объединяться и самим формировать новые компетентности. То, что наследники уже существуют, уже воспроизводят готовые модели и присягают на верность - факт. Другой факт: где-то рядом с ними или не очень рядом ищут что-то новое другие студенты, дилетанты, профессионалы, настроенные гораздо менее конформистски. Частая ловушка этих поисков - в том, что они не фокусируются на конкретном познавательном проекте и создании группы, а остаются расплывчатым личным кредо. Поиски "личного совершенства" точно вписываются в существующий социальный разрыв, который ограничивает распространение в России критической культуры. В отличие от наследников больших институций, ищущие люди редко нацелены на создание своих площадок, редко обзаводятся пространством выражения и образования, поэтому вынуждены поодиночке приспосабливаться к игре, парализующей мысль.

Следует понимать, что главный фактор российской институциональной игры - это подавление воли к знанию. Именно поэтому крупные российские институции, в том числе образовательные, непрерывно воспроизводят и освящают какие-то мыслительные суррогаты. Реформировать их изнутри зачастую невозможно. Нужно действовать самим. Просто позволить себе знать, попытаться разделить удовольствие и невыносимость знания с другими.

графическая акция ДСПА на основе стихотворения Бертольда Брехта

Авторы номера: Кирилл Медведев, Артем Магун, Олег Журавлев и Данаил Кондов, Валенс Манирагена, Дмитрий Воробьев, Павел Арсеньев, РАШ, Александр Бикбов, Фома, Дмитрий Виленский, ДСПА

больше информации на сайтах: <http://www.vpered.org.ru> /// www.dspsa.info /// <http://www.od-group.org/> /// <http://www.ford-profsoyuz.ru/mgrd/> и другие - смотрите ссылки на сайтах

композиция номера: Фома, Дмитрий Воробьев, Павел Арсеньев и Дмитрий Виленский
графика и картинка для обложки: Максим Нерода

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом. Работа платформы осуществляется через сеть коллективных инициатив в России и их диалоге с интернациональным контекстом. Деятельность платформы координируется одноименной рабочей группой.

подробности на сайте | see more at www.chtodelat.org /// contact: info@cthodelat.org /

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОТИВ

НАЦИЗМА

**ЛЮБЫХ ФОРМ
УГНЕТЕНИЯ**

И РАЗРУШЕНИЯ

НАШЕГО ГОРОДА